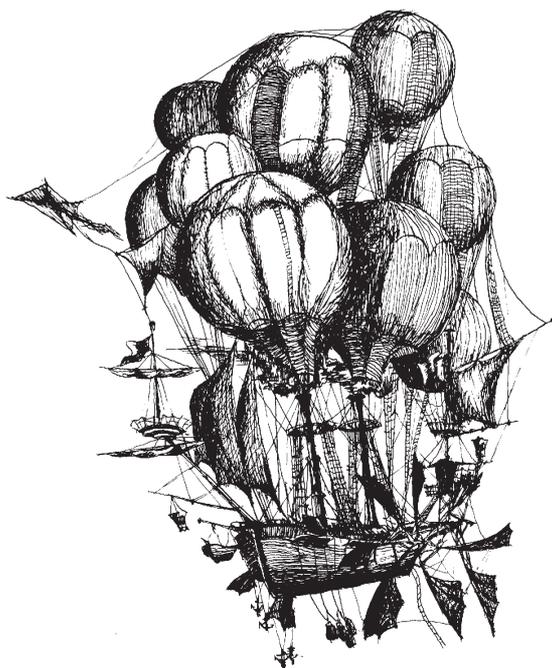

*«...неспешно двигаясь в
струях прозрачного
воздуха...»*

СТИХИ

Андрей Стрелков (Улан-Удэ)	8
Андрей Суздалев (Москва)	10
Евгений Стрелков (Н.Новгород)	30
Елена Спирина (Н.Новгород)	34

ПРОЗА

Сергей Тиханов (Новосибирск)	4
Константин Сутягин (Москва)	12
Вадим Филиппов (Н.Новгород)	16
Марина Москвина (Москва)	19
Николай Олейников (Н.Новгород)	32
Лорд Дансени (Лондон)	34
Елена Пикунова (Н.Новгород)	39
Сергей Сыров (Н.Новгород)	44,60
Алексей Акилов (Н.Новгород)	49
Михаил Погарский (Красногорск)	58
Елена Соболева (Н.Новгород)	61

ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид Тишков (Москва)	46
Э.Абубакиров, Е.Стрелков, В.Филиппов	54

ФОТО авторов текстов, их родных и знакомых.

дизайн: Е.Стрелков, студия «ДИРИЖАБЛЬ»
печать цветных страниц: типография «ДЕКОМ»
печать одноцветных страниц: типография
издательства «ЧУВАШИЯ»

Редакция благодарит за поддержку альманаха
компанию

Нижний Новгород, тел. (8312) 384377, www.sandy.ru

С О Д Е Р Ж А Н И Е

РЕДАКЦИЯ:

Вячеслав Мазуров, Михаил Погарский,
Елена Спирина (литературный редактор),
Вадим Филиппов (web-редактор, e-mail: phil@sandy.ru),
Андрей Дорошенко, Дмитрий Хазан,
Евгений Стрелков (главный редактор)

адрес редакции: 603106, Нижний Новгород, а/я 17
телефон главного редактора: (8312) 33 6049
e-mail: dirizhab@dirizhab.sci-nnov.ru

Приобрести альманах можно в редакции, а также в магазинах:

Москва: «Книжная лавка Литературного института»
Н.Новгород: «Дирижабль» (ул. Большая Покровская)
С.-Петербург: «Борей» (Литейный пр-т)

Электронная версия альманаха подготовлена
редакцией совместно с компанией «Сенди» и
находится на сервере: www.dirizhabl.sandy.ru

«ДИРИЖАБЛЬ», свидетельство № 016100 от 14.05.97

отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства «Чувашия», г.Чебоксары, пр. И.Яковлева,13.

формат 70x100/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 5. Тираж 300 экз. Заказ

ДИРИЖАБЛЬ

альманах-альбом

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

И С Т О Р И И

НИЖНИЙ НОВГОРОД
1999 (2000)

Что же, или мне вовсе не нужно искать тебя, ведь ты не бываешь там, где я ищу тебя? Но если я не буду искать тебя, ты не придёшь никогда.

М. Пришвин

Е щ ё о д н а

1.

Никогда ещё я не болел так сильно — Осенью.

Вот хожу, хожу по пустырю, по краешку жизни и всё стараюсь вспомнить её, стараюсь найти в далёких прозрачных лесах краски, запахи, звуки Осени. Но найти её невозможно, как невозможно сегодня не ложиться спать пораньше, вместо того чтобы, напившись крепкого чаю, писать бесконечное письмо о жизни на краешке жизни; как невозможно подняться три утра подряд на Монашескую гору; как невозможно разглядеть Тебя в толпе картонных задниц... И я знаю, что Осень, которую я так жду, обманет меня, не сбудется, как не сбывается долгожданная первая — ледяная, но согревающая — рюмочка, которая оборачивается назавтра непереносимыми страданиями. И я знаю, что всё, что я сейчас хочу, — это заснуть под шум дождя.

2.

...так вот про птиц: меня мучают свиристели — я никак не могу увидеть кормящуюся беспокойную стайку хохлатых кочевников, они словно дразнят меня — отовсюду я слышу их голоса, замечаю по сторонам их тени, но встретить их во время моих бесконечных странствий по краешку жизни, по Пустырю — никак не могу. Ещё я не могу вспомнить юфовскую строчку про свиристелей, что-то там про стремительный апрель, капельные рулады и скорострельные глаза. Ну да и хер с ней.

3.

Не только свиристели водят меня за нос — дождёшься утречка, выползешь за пивом и вдруг замрешь с бутылкой «Мартовского» в руке: холодное солнце отражается в мокром асфальте, совсем как Осенью. Холодное солнце, низкие свинцовые облака, деревья без единого листочка — природа обманывает меня, дразнит призраком Осени. Но меня не так-то просто провести — мой брат тополь бросает под ноги рубиновые гусенички серёжек, а это значит: Весна. Весна и старые дрожжи.

О с е н ь

4. Старые дрожжи.

Он похмелился грубо и как-то физиологически просто: плеснул в своё чрево стаканяку бодяжной водки, совершил всеми мышцами лица какое-то неопределённое круговое движение и сердито крякнул на бичей, разложивших на мятой газете варёные яйца, куски хлеба и карамель «Барбарис».

«Вот ведь люди, — подумал он, — запивают, закусывают, занюхивают, а я — запоминаю, то есть в смысле вспоминаю. Как это там про кентавра? Порой из рюмочной идёшь, нахлынет вдруг невесть откуда и по спине пройдёт, как дрожь... брр (тут его лицевые мышцы совершили слабый полукруг) какая-то там жажда чуда. Или лучше просто закрыть глаза, а потом открыть, и пусть будет уже не здесь и не теперь, никакая не гнилая весна, а пусть будет осень, набережная Енисея, ярко-жёлтые деревья будут величественно спускаться с сопок, и мы снова будем вместе...» Он открыл глаза: перед ним лежала грязная Ипподромская, вдобавок за несколько шагов, которые он прошёл с закрытыми глазами, он успел вляпаться в собачий кал. «Уведи меня в ночь, где течёт Енисей! — свирепо заорал он на оторопевшую торговку овощами, яростно скребя ботинками об асфальт. — У, б..!»

И он пошёл, казалось бы, куда глаза глядят, хотя на самом деле маршрут его был чётко определён: до дома оставались три рюмочные — в сарае на Демьянке, в Военторге и в бывшей блинной.

5.

Июльскими выходными... Июльскими выходными центр города почти полностью пустеет, и днём даже в Первомайском сквере, как на первой странице Мастера, — никто не приходит под липы, никто не садится на скамейку...

Третий день дует сильный восточный ветер, и в сочетании с безоблачным небом, тридцатиградусной жарой, пустынными улицами, безмолвно раскачивающимися деревьями, опавшими листьями моих больных братьев тополей — получается картина совершенно нереальная, рождаются ассоциации самые неожиданные, неизвестно откуда придут забытые краски, запахи, звуки...

Можно, конечно, опрокинуть стопочку-другую-третью, ещё лучше — написать письмо о жизни на краешке жизни, но лучше всего... лучше всего отправиться в магический квадрат, ограниченный улицами Революции, Чаплыгина, Советской и Коммунистической, где пляшут тени и где можно долго бродить, чувствуя при этом Твоё присутствие, — ведь я знаю, что Ты не смог дожидаться Осени и уже приехал, звонишь мне и кладёшь трубку, ходишь за мной по улицам магического квадрата и говоришь мне что-то по ночам по громкой связи над запасными путями, где отдыхают Сибирская Нива и Иртыш... А я всё хожу и не решаюсь оглянуться — а вдруг Тебя не окажется сзади; я всё хожу и прислушиваюсь к далёким словам над ночным городом — что же Ты говоришь...

6.

Но что же мне делать, если Ты и в этом году не приедешь? Скорее всего, я поступлю следующим образом: дождусь Осени и пойду с фотоаппаратом вниз по Ине от Буготака, не пропуская при этом ни одной рюмочной, то есть я, конечно, хотел сказать: не пропуская при этом ни одного моста и мостика. А потом всю long, cold, lonely winter я буду посылать Тебе письма, в которых будут только фотографии этих мостов и мостиков. И запах снега. И больше ничего.

7.

.....

8.

Возле пивного ларька, на выходе из ужасного и безобразнейшего пяти... (или даже шести?) дневного запоя, прислонившись к дереву, я прочитал Твоё письмо. *Ты не умер, и это хорошо*. Я снова мог говорить (отдельные слова), я мог стоять на месте — некоторое время (делирий медленно отступал), трясло уже не так сильно: я даже смог бы поставить подпись в протоколе. Я не умер. И это хорошо.

9.

Сегодня... Кажется, сегодня у Тебя первый день отпуска. И я подумал: вдруг Ты всё-таки решишься, приедешь сюда, позвонишь мне и будешь молчать; а я пойму, что это Ты и запою: «Для любви не названа цена...» А Ты тогда скажешь: «Ну вот, опять ты фальшивишь!» И запоёшь: «Для любви не названа цена! Не названа цена!..»

А потом мы будем молча ходить друг за другом по городу, переходить Красный проспект, гоняться за стрекозами в Нарымском сквере, сыпать друг другу за шиворот опавшие листья и долго-долго стоять под окнами Кати Трегубович...

9.

Иногда мне становится грустно из-за того, что я никогда не вёл дневников. Дело в том, что я не помню или плохо помню, — что было в тот или иной день два года или пять лет назад. Сознание того, что я перестаю быть Хранителем Дат и Событий, уже не вызывает паники, когда лихорадочно пытаешься восстановить хронологию командировок, хотя бы на 92-м заводе; просто очень грустно, вернее, грустнее, чем обычно. Но вот что интересно: мне кажется, что мои письма перестают быть текстами, а превращаются именно в письма, в которых больше меня, в которых больше жизни на краешке жизни. И это, наверное, хорошо, потому что я всегда как раз к этому и стремился.

10.

.....

11.

Булгаков за месяц до смерти сказал: «Счастье — это лежать долго... в квартире... любимого человека... слышать его голос... вот и всё... остальное не нужно...»

Вот и эта Осень не сбылась... Нарымский сквер засыпан зелёными, так и не пожелтевшими листьями, которые мы не сможем насыпать друг другу за шиворот; в последнем оставшемся от выставок цветов павильоне пьёт очаковское пиво Костя Харитонов (его жизнь вмещает одинаково друзей, работу, дом и пиво из Очаково), по аллее, ведущей к памятнику жертвам ядерных катастроф, озабоченно прошагал только что вернувшийся из Флориды Игорь, в воздухе висят мелкая водяная пыль и бесконечная грусть, до конца отпуска ещё неделя. Просто это ещё одна Осень. Ещё одна Осень без Тебя.

12.

P.S. Или можно ещё написать рассказ про человека, который каждую осень ходит с ума, воображая себя Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, и до самого снега он бродит в зарослях у Издревой, от Учебного до Дубравки, от Гусиного Брода до Комаровки, от Новой Фермы до Жеребцово, при этом он представляет себе, что находится в дебрях Уссурийского Края. Он жжёт костры, катается по опавшим листьям, он поднимается на холмы и мочится с них, спускается к Издревой и там гадит в непролазных кустарниках таволги, бересклета и крушины, забирается на берёзы и ревёт с них проходящим товарникам: «Сука!..» Но чтобы написать такой рассказ, нужно ещё придумать, — что с ним происходит в остальные времена года, например, зимой. Может быть, зимой он лежит на Владимировской, дерётся там с санитарями, они привязывают его к кровати и ставят сульфазин в четыре точки. Или он живёт зимой в маленьком деревянном домике на Первом Конном Спуске, убирает снег, ему нравится, как пахнет дымом из печных труб, он пьёт крепкий чай, а по ночам смотрит на звёзды...

А н д р е й

Одинокий сентябрь. Позади беспокойное лето
Ожиданий и встреч оборвавшаяся струна
Снова глушь и покой – невесёлая участь поэта
Позабывшего способ смотреться в поверхность вина.

Я тебя не забыл и отсюда ищу продолженья
Этой летней тревоги и нежности девичьих рук
Я считал имена, как считает герой пораженья
Умножая их вдвое количеством встреч и разлук.

Мне отсюда не слышен меня окликающий голос
Я отсюда не вижу твоих забывающих глаз
И к щеке не прильнёт твой летящий и длящийся волос
И, как в детстве, судьба обрывается вдруг и на раз.

Что же, здравствуй, зима. Здравствуй, возраст распятого бога
Не пристало пенять на превратности и судьбу
Так кончается всё, как кончается снегом дорога
И осенний архангел трубит в золотую трубу.

СТРЕЛКОВ

Посылаю письмо. В сущности, без причины
Не умея уже почти рифмовать
Ошалев от кручины, одиночества, пустяков
Безучастный свидетель безумных бегов
На параболах римского ипподрома
Я один уцелевший среди золотого погрома
Переживший себя и империю – итога
Сумерки заползают в дом, как доисторический зверь
Даже крючок я приладил на дверь
Только мне некого опасаться, кроме себя самого.

Я хотел бы любить ненасытно, расчётливо, глупо
Человек есть подобие куба
Как когда-то говаривал Дант
Сочиняя круги соразмерного ада
В сущности, мне ничего уже и не надо
Только время растёт. Час становится веком
И минута не думает о конце
Безутешен родившийся человеком
Даже если гадает заслуженно о венце
Или его лавровом эквиваленте
Император гуляет на киноленте
Броненосцы дымят. Надо всем развеваются флаги
Я не замечен в уме и отваге
Посторонний свидетель сложившихся судеб
Не умеющий сделать свою
Напоминающий в чём-то портного
Только и знаю, что делать, – крою
Новую жизнь из непрочной материи – слова.

Андрей СУЗДАЛЕВ

Не опираясь словами на воздух – падать.
Подниматься в гудящем молчании.
Однажды проснуться в разобранном мире часов,
С тоской наблюдая, как птица, спросонья
забравшись повыше,
Мир немой без труда под крыло собирает –
спокойная птица!
Голос начищен до блеска, одинаково близок
и шуму он и тишине –
Будто это так просто.
Дело иное – ловить предметы на удочку смысла,
Или как-то назвать летящие? руки твои.
Не до поэзии.
Говорить и не падать, будто это так просто.
Это просто.
А вот попробуй-ка молча.
Язык бессильно свисает, слово ушло из него.
Больше не нужен –
Разве только пытаться гремящие? губы твои.
Если так, попробую голос выращивать в теле,
во всех его членах:
В ступнях – так проще удерживать метр земли
под ногами;
И в ладонях, чтобы слова замуровывать
в тёплые стены деревьев;
В коленях и икрах, в их связках, костях,
сухожилиях –
Дабы скрепить непослушную глину.
Смирить мятежную армию в чреслах
я слово направлю.
И в желудке поставлю его
простую и нужную делать работу.
Позвоночник подставлю для ползучего
слова-вьюнка.
В рёбрах – загоне для сердца –
устроим мы скачки.
Пока что неплохо.
Теперь осторожно попробую снова
Слово поднять до гортани и выше –
И, смотри-ка,
спускаю по жёлобу языка.
Ласково тычусь словами в немые колени твои.
Замолчав, спотыкаюсь.
Начинаю увереннее и, нащупав по буквам
Яблоко, примулу, стол и настольную лампу,
Наконец успокаиваюсь

Выше!

Что ещё воспевать я хочу,
в языке отражать?
Новый быт,
прорастающий, где б я его
ни посеял, возвышенной скукой?
Дома, где друзья мои
трудное время хотят пережить?
Зеркало,
снова укравшее два моих взгляда?
(Только лишь два,
а всё-таки жалко.)
ЧТО ЕЩЁ?
Неразборчивость нашей любви.
ЧТО ЕЩЁ?
Что ещё я хочу воскрешать,
если пальцы мои
лишь гробницы роскошные
строить умеют?
Ритуалы зимы –
Сладострастные осени этой
молитвы –
Шествие женщин
по тихому берегу ночи –
Редкие праздники наших бесед.
ЧТО ЕЩЁ?
Что ещё объявлю я своим
по праву, которое
вроде бы есть у меня?
Вот птица,
свой голос зарывшая
в чащу лесной.
Вот деревьев опавшие мысли.
Вот море,
которое думает медленнее,
чем я по нему уплываю,
(но зато и ждать оно дольше
умеет, чем я).
ЧТО ЕЩЁ?
Облако в форме престола.
ЧТО –
Каждый день, улыбнувшийся мне, –
ЕЩЁ?
Каждый день, на тебя не похожий.
Вот пределы, в которых
я не имею пределов.
Что ещё?
ВЫШЕ!

Зачем-то, из какой-то дурацкой честности, мне сказали, что когда-нибудь я тоже умру.

Всё так хорошо начиналось: играла музыка чунга-чанга, было круглый год лето, я, красивый, как молодой Адам, весело катал за верёвочку грузовик «Хлеб», лаял через забор на собаку и со всеми здоровался.

Там (в Раю) укладывали днём спать, но не умирали.

Я был, как Адам, и ходил без трусов вдоль шебуршащихся о берег волн, вытряхивая песок из задницы, — один, или с какой-нибудь там Евой, тоже целиком загорелой, с грушей в руке. Я ещё не пробовал бананов и кокосов, но почему-то всё равно знал, что счастье наше — постоянно.

Я не подглядывал за тётеньками в раздевалках и не ел тайком чего нельзя — вот разве что пива один раз глотнул на пляже. (Ё-моё! Может, это и был тот запрет, оберегавший мою невинность? Не яблоки же запрещать кушать без спросу на чудо-полуострове Крым...)

<...> И вот — всё очень быстро кончилось. Голые тётеньки стали только на порнографических карточках, а яблоки сразу вдруг стали только за деньги, и их уже приходилось воровать — добавляя к греху Адама и Евы ещё одну статью. Всё кончилось, нас выгнали из лучшего в мире места, и мы узнали про беды и про любовь. И что когда-нибудь все умрём.

<...> По утрам был туман и сыро. Мы ходили по мягкой земле к автобусу, который отвозил наш класс на сельхозработы, а вечером, тоже сквозь туман, возвращались в барак, обратно. Чего-то хотелось от тёплых в ночном дыму деревьев, обнять и вырезать ножиком имя жены учителя географии... Я пнул березу, она зашумела и крикнула вверх птичьим голосом.

Неожиданно легко я купил в буфете фляжку молдавского коньяка и прятал её, как гангстер, в сапоге за голенищем. Купил в запретное время (в смысле моего несовершеннолетия и уборочной поры у колхозников). Интересно, невинность в голосе или мои слишком большие сапоги перевесили в буфетнице чувство долга?

Константин СУТЯГИН

* * *

<...> После работы каждый вечер мы ходили в колхозный сад, чтобы поесть там бесплатных яблок. (Обязательно с ветки, с деревьев различной породы и темных на вид.) Наверное, как литератор я должен сейчас считать это аллегорией, попыткой вернуться в Тот Сад: просто съесть через силу побольше яблок, чтобы объяснить Кое-Кому всю невинность поступка Евы, — сладкого захотелось, а что, нельзя? Просто яблоки, одно за другим, обыкновенное мелкое воровство для радости и аппетита. И не обязательно что-то там знать при этом, в смысле витаминов, полезности и греха.

Как мухи засыпают на зиму между окон, и я — тоже хочу тыкаться, как дурак, лбом в стекло, а весной — вот они! Опять живые и жужжат, глупо отыскивая дырку в стекле (я бью их тугой газеткой).

Мух, кстати, там тоже хватало — мух и комаров. Они сидели на холодных стенках барака и уже не пили кровь и не залезали по утрам в нос щекотаться. Через неделю такого порядка жизни — подъём, завтрак, автобус, яблоки и перечёркнутые цифры, отсчитывающие срок, — я почти придумал стихи:

*мы рождены для радости и смерти
мы рождены для радости и в муках
мы рождены... тарам-парам... в ответе
тарам-парам, парам — другим наука*

Но — может, конечно, из-за недорогого коньяка — было совсем не страшно. Думалось не о смерти, а **о любви**:

1. Буфетчица, крашенная с деревенским шиком, намекающая на что-то круглым локтем и мелкими бусами. (Оказалось, у неё был жених — в круглой, как только что из магазина, шляпе. Боясь помять её, как у шикарных чикагских гангстеров, он тоже на что-то намекает, вместе с круглыми локотями буфетчицы);

ЕДОКИ КАРТОФЕЛЯ отрывок из романа «любовь и розы»

2. Жена учителя географии, соскучившаяся по мужу, — вошла, как стройная из зарослей бамбука креолка, красивая и загорелая, — и всё время их радостной встречи я стараюсь удержаться мыслями в границах её загара, чтобы не думать о тех местах, где у неё скорее всего осталось белое;

3. Докторша-практикантка — то, что она уже наверняка встречалась не раз со смертью, делает её в моих глазах чуть ли не ветераном какой-нибудь экзотической войны. Я беру её за локоть, вежливо так, а она, неожиданно покраснев, не даёт мне спирту — протереть очки моему другу Шамсутдинову. Не даёт и, краснея, добавляет этому глаголу самостоятельный смысл, совсем уже, конечно, не относящийся к спирту.

Не даёт вообще, как ни стараюсь я выглядеть красивым и верным. Не даёт и — говоря словами Анаксагора из книжки Платона «Пир» — предлагает тем самым перейти сразу на более высокую стадию Эроса, когда любовь — это уже ко всем людям сразу. Комплексно.

Я с беспокойством пытаюсь вспомнить, что говорил про это дело сам Платон:

вечный дух... что-то там такое... бессмертие...

Какое несамостоятельное слово — бессмертие.

Смерть — это да. Другое дело, и слово другое, самостоятельное. Ложимся спать — и зачёркиваем на стенке ещё один день.

А на следующий день льёт дождь, капли дырявят штаны и кепку, и можно просто сидеть у сарая, накрывшись целлофановым пакетом, — ничего не делать и не бояться, что кто-нибудь будет кричать на тему выработки. Гнилая осенняя сырость, автобус, гложущий на подъёме, вялые комары, стихи, мухи и, конечно, яблоки, напоминающие, что когда-нибудь мы все умрём...

Да, людям было чему удивляться, слушая, что придумал им в утешение Платон.

* * *

Но всё-таки (пусть античные философы сплюнут) опять о девушках: маленькая, но уже взрослая девушка, спрятавшись от дождя, тоже присела под крышей сарая возле опилочной кучи, ковыряя её прутиком. Может быть, она даже была Афродита, рождённая, как Буратино, из пены стружек. (Знать бы ещё, как учил Платон, земная она, эта Афродита, или небесная, чтобы уж и вести себя соответственно.)

Я подхожу и тоже разгребаю кучу ногой. Тоже ищу чего-то — не скажу чего. Свою судьбу.

— Между прочим, коньяк! (В смысле, разрешите представиться.)

Косея на мгновенье, она делает накрашенными глазами книксен, а затем — неожиданно для меня — три больших глотка из моей бутылочки. И ещё больше расплывается от благодарности глазами в разные стороны. Коротким от туканья на печатной машинке пальцем (прислана в совхоз от бухгалтерии) она вытирает горлышко от помადы. Я смущённо почёсываюсь и забираю фляжку.

Льёт дождь. Мы снова ищем чего-то — каждый своё, каждый — со своим интересом.

Неожиданно из кустов выбегает собака с жилистым длинным хвостом и тоже начинает рыться в опилках, нагло подглядывая на нас. За ней — на поводке — хозяин в кепке.

Все заняты. Я ищу свою судьбу. Дуб шумит.

— Собаки — друзья человека, — говорит хозяин и, сплёвывая червяков, аппетитно хрустит яблоком.

Хорошо сказал.

Дуб шумит. Они уходят, оставляя разрытую кучу и огрызок яблока.

— Самые лучшие друзья человека — это куры, они дают нам свои ноги и яйца, — говорю я, чтобы показать этой девушке, что даденка — дурак. — Читали в энциклопедии?

* * *

— Читаешь, читаешь какую-нибудь книжку, — вежливо говорит она, — а ничего не понятно.

— Правда? — оживляюсь я.

Теперь нужно о чём-нибудь говорить, об импрессионистах, о психольном художнике Врубеле, и я, ковыряя ногой сырые стружки, почему-то начинаю рассказывать ей о Платоне (чтобы, как бы никем не замеченная, как бы не здесь, не в этом сюжете, рука моя сама осторожно пробиралась куда-то там в глубину под кофту, сквозь теплые её шерстяные резинки и пуговицы).

— А ещё... коньяк можно яблоками закусывать, — помолчав, намекает она. — Тебе не холодно?

Но я не понимаю её намёков — не известно, продадут ли мне ещё раз в буфете коньяк, — обнимаю её из экономии покрепче рукой (у нее шуршащая болонью спина) и ещё решительнее рою ногой кучу.

Кстати, дождь кончился, и можно уже отправляться в тёмный сад за яблоками — чтобы соблюсти все формальности греха.

Тучи сдуло ветром, и над нами блестят небольшие звёзды. Под ногами сыро. Мы гуляем по саду, как в кино: задумчиво, молча целуемся, иногда с азартом пра-родительницы она бодро подпрыгивает, если красивое яблоко высоко.

¹В ней маловато росту, отмечаю я, прикидывая, не пора ли уже сказать про любовь?

Красные, мокрые, битые — не бананы, конечно, но всё-таки. Полезней, чем рыть ногою опилки. Налив, анис, антоновка... «а у меня — штрифель», — подпрыгивая, радостным голосом говорит она.

Так.

Мне совершенно отчётливо слышится: «триппер» — и, будто с недоостановившегося поезда, я делаю несколько лишних шагов вперёд.

— Хм. Правда? — говорю я невозмутимо, как бывалый матрос.

— Честное слово! Посмотри.

Я не успеваю додумать, как это должно выглядеть, как уже подскальзываюсь, сделав лишний шаг, и падаю жопой прямо в лужу.

И, собственно, всё.

Жопа мокрая.

* * *

Теперь о душе:

Подскользнувшись в темноте, зачерпнув рукавом чёрной воды из лужи, с расплзающимися от жопы мурашками — самый раз возвращаться к утраченным идеалам.

Конечно, можно возвращаться к идеалам и другими способами, тут кому как повезёт — главное, чтобы закашляться и захватило дух:

кому-то идеал — Венера без рук, даже ещё лучше, чем если б она была с руками;

или — девушка Джиоконда, которая будто всё про тебя знает, но улыбается на картине. Дескать, ничего, всё нормально. Бывает и хуже;

а то — ти-ри-рим, тыц-ты-тым! — будто херувим спустился с небес и сбавил на скрипке такую музыку, что убить мало.

Идеалы, идеалы, кругом что-то торчит — что ни отсюда, ни для чего (старушка кормит колбасой лысую кошку), как мысль без особых причин о чём-то необыкновенно хорошем.

Но только нельзя, чтобы все кормили голодных кошек, когда другим старушкам есть нечего. Жирно будет.

Идеалы хороши в своём специальном мире (не здесь), там, где легко, красиво и где **любовь — вечно** (если в ней, как в задаче по физике с идеальными данными, нет трения. Пardon.)

А здесь, на Земле, идеи темнеют, окисливаются — до кислых яблок и мокрых штанов, — и только иногда, местами, кое-что проскальзывает к нам из того специального мира — что, собственно и делает Платона одним из самых читаемых авторов до сих пор: что-то, вроде округлостей полненькой и весёлой буфетчицы;

вроде белых пятен на карте (pardon, конечно, на теле) жены учителя географии (кстати, ещё на ноге, белой, где щиколотку перегораживал ремешок сандалии);

вроде докторши-практикантки, по пьянке ножиком кромсающей трупы людей, — но краснеющей, когда её случайно трогают за руку люди живые. Вот и пожалуйста, вот он, тот отблеск (румянец? загар?) идеала — кончик, за который если схватить покрепче, изо всех сил потянуть и заплакать, разжалобив Господа до тихих слёз, — то, может быть, повезёт вытянуть сюда из того мира что-то счастливое и полезное.

И тогда можно будет, наконец, забыть всё, что мне говорили в семье и школе, всё, что говорил я сам, чтобы получить хорошую отметку, и пожалуйста:

оказывается, теперь я опять живу вечно*!

* один мой приятель, Антон Ротов, трогательный человек, плотник — а в Бога не верит. «Мне, говорит, Он не являлся». Размечтался.

С другой стороны, он твердо верит всему, что пишут в газетах, например, что в Южной Америке есть племя, которое видели только два человека и написали про это статью.

Хорошо бы написать в газету заметку про какое-нибудь явление Господа нашего ограниченному числу людей, например, тому самому племени в Южной Америке, которое видели только два человека, — как бы он прочитал? Напечатать со ссылкой на информационное агенство Рейтер, специально для дураков.

* * *

Но иногда я всё-таки не верю этому.

«Господи,— говорю я на следующий день утром, по дороге к автобусу, который развозит наш класс на работы, — если Ты есть, дай знак: пусть на дереве закукует кукушка».

И кукушка, не задумываясь, кукует:

— Ку-ку.

Боже, какой я дурак! На хрена мне эта кукушка?

— Господи,— говорю я,— раз уж такое дело, сделай так, чтобы автобус не тронулся, пока я не добегу до него, ладно?

И автобус с надписью «Дети» стоит ещё пять, десять, двадцать минут, задерживаясь в расписании, и не торопится везти нас на поле. Шофёр с опухшей после вчерашнего рожей ругается с собакой.

«Господи, вот теперь самое главное! Если и это — то всё. Последнее! Прошу Тебя, Господи! Сделай так, чтобы эта нахальная рожка, наш военрук, отчитывающий меня перед всеми за опоздание, будто мне десять лет, пукнул при всех громко три раза!»

«Ну хоть два!»

«Хоть раз, Господи! Пусть он пукнет только один раз!»

Но военрук не пукает, и я снова начинаю во всём сомневаться.

Снится мне, что я оказался в Севастополе.

В Севастополь я ездил несколько раз, когда был мал (прискорбно мал, как любит говорить один из моих друзей), и потом ещё раз, так сказать, по необходимости, после тяжёлой болезни. Мне повезло с Севастополем в том смысле, что там жил мой двоюродный дед. Степени родства всегда были не особенно ясны мне, поэтому скажем проще — там жил родной брат моей бабушки. Когда я был, как уже сказано, прискорбно мал, он казался мне стариком — высоким осанистым стариком с артистической гривой седых волос (так мне казалось, и так я запомнил, хотя, возможно, на самом деле он был маленьким и лысым. Да нет, точно, волосы у него были по тем временам и для его возраста длиннее положенного). В прошлом военный строитель, тогда он уже жил один, оставив за плечами как минимум две жены, насколько я знал, и детей — сколько точно, не знаю. Моя бабушка, его родная сестра, почему-то не очень охотно рассказывала о нём. Впрочем, она вообще не очень охотно рассказывала, пока её не спрашивали. Я и не спрашивал, о чём сейчас частенько жалею. Как мне иногда кажется, к дяде Мите (мы с моей двоюродной сестрой — кузиной, как это называлось раньше, но не прижилось

это слово у нас, и правильно — называли его дядей) она относилась со смешанным чувством неудовольствия и опаски. Не любила она его, по-моему, — в смысле, не любила как уже взрослого человека, а не как брата. Может, она считала его алкоголиком? Он и правда любил выпить, и привычной дозой, по моим воспоминаниям, было для него не менее полубутылки в день, — но пилося это понемножку, и сильно пьяным не видел я его никогда. Он жил один, в двухкомнатной квартире на втором этаже двухэтажного дома — дома такой постройки я видел только в Севастополе, и меня всегда поражало то, что вход на первый этаж и на второй сделаны с двух разных сторон. Так вот, несмотря на свое, как, видимо, казалось бабушке, повседневное пьянство, жил он в полном порядке и даже имел крошечный садик прямо под окном, из которого до его окон поднималась виноградная лоза, правда, окончательно одичавшая и производившая только мелкие и абсолютно скуловоротные ягоды. Зато там же росли какие-то сливы, по-моему, даже персик, а с другой стороны дома, куда выходили окна кухни, опять-таки прямо под окном, у соседки рос абрикос. С земли созревшие абрикосы достать было невозможно, и тогда соседка снизу прихо-

дила к дяде Мите и просила его снять их палкой, что он и делал не без пользы для себя и для нас. Мы — это я с Ольгой, двоюродной сестрой, пару раз мы были у него вместе, но, конечно, не сами по себе, тут даже вопроса не было, а только вместе с бабушкой. Детей (и нас, разумеется) дядя Митя не любил и терпел нас только по-родственному.

Как я во сне попал в Севастополь, мне абсолютно не ясно.

Туда и в далёкие светлые дни предзастоято попасть было достаточно трудно — то есть, не то чтобы трудно, взял билет и поезжай, но сделано это было, как то у нас ведётся, «через Альпы». В последние годы, когда Севастополь закрыли для туристов, вообще нужен был специальный вызов. А тогда можно было ехать поездом, и даже двумя поездами — через Москву с пересадкой до Севастополя прямо или прямым поездом, но до Симферополя. Что касается первого способа, то бабушке с двумя детьми — мне было лет тринадцать, значит, Ольге четыре — он был, мягко говоря, неудобен. Одной такой поездки хватало, чтобы больше этого не повторилось. Тогда мы более или менее спокойно доехали до Москвы, у нас оставалось часов пять (пять!) до симферопольского поезда, и мне взбрело в голову потащить всю нашу компанию на ВДНХ. Бабушке (мы с сестрой звали ее «бабуля», но слово это почему-то всегда казалось мне и сейчас кажется каким-то неестественным; очень трудно описать мое отношение к этому слову; я бы скорее обратился так к незнакомой пожилой женщине; помню, на одном из подарков от неё мне на день рождения было написано «Димуле от бабули» — вот это вот «-ули», повторённое два раза, корябнуло ухо; в общем, не люблю я этот суффикс); так вот, бабушке очень хотелось съездить к родственникам или знакомым, кто-то был у неё в Москве, но детям хотелось на ВДНХ. Ничего особенного и не было на этой ВДНХ, но я в Москве был первый раз в жизни, и, то ли под влиянием абсолютного в идиотизме своём фильма «Свинарка и пастух», то ли по каким-то другим причинам, я считал своим долгом там побывать. Бабушка же считала своим долгом откликнуться. Она мне вообще казалась очень правильной женщиной. Она тоже, как и её брат, была строителем; до войны, как отложилось у меня в голове, возможно, что и абсолютно

неправильно, строила знаменитый винсовхоз в Массандре, строила вместе с мужем и в оккупацию попала с детьми — с моей матушкой и её сестрой. Как они тогда жили, она тоже почти никогда не рассказывала, помню только, что однажды, когда ей захотелось испечь курник, а я просто не знал, что это такое, она вспомнила, как во время войны им выпало счастье испечь курник из козлятины, так что судите сами. А уже после войны и после смерти её мужа, моего деда, которого я, конечно, видел только на фотографиях, она ещё работала прорабом. Женщина-прораб — это я только сейчас понимаю, что это такое. Впрочем, жёсткость, не жёсткость даже, а целенаправленность в ней была всегда — даже, и особенно, тогда, когда она убила себя и всех окружающих, что мне надо учиться в музыкальной школе, и, чтобы разбираться в моих занятиях, сама выучила ноты и довольно успешно меня контролировала. Сама, впрочем, не играла и при мне ни разу даже не пыталась.

Я стою почти на развилке дороги, которая ведёт, если прямо, то на Солдатский пляж, а если налево — то на «дикий», в Херсонес.

Ходу от дома дяди Мити до трёх рядом лежащих пляжей было минут десять, не больше. Жил он, можно сказать, почти в пригороде. То есть, большие дома уже строились, и даже ещё ближе к морю, чем стоял его дом, но они не запоминались. Запоминались двух-трёхэтажные строения типичного южного вида, кое-где даже с внешними галереями. Там было три пляжа: Детский, официально именовавшийся «Песчаным», зажатый между то ли военной базой, то ли военным училищем и санаторием; Солдатский, впоследствии благоустроенный, что выразалось в том, что огромные глыбы на берегу засыпали острым щебнем в надежде на то, что море превратит его в круглую скользкую гальку, — Солдатский, который после благоустройства переименовали в «Солнечный»; и вот этот самый «дикий», который и пляжем-то не был — так, узкая полоска под высоким обрывом, на котором и располагался этот сказочный древнегреческий Херсонес. Сказочным он был, кстати сказать, не больше, а даже меньше, чем многие другие места. То ли потому, что большая часть развалин продолжала медленно разваливаться прямо под открытым небом, то ли просто оттого, что не было в нём

никакой музейности, по крайней мере, в той части, которая не была свезена в какое-то старое здание, переоборудованное под собственно музей, Древняя Греция представлялась в этом месте гораздо легче, чем в книжках с учёными и малоучёными названиями. Итак, наверху был древний Херсонес, вернее, то, что от него осталось, и знаменитый колокол меж двух колонн, известный почти всем, примерно как памятник погибшим кораблям; а внизу сидела у воды те, кому не хотелось, по разным причинам, идти на пляж официальный — то ли тянуло на романтику, то ли на свежий воздух. А пляж официальный, Солнечный, был уж официальным до ужаса — ровненько сделанный бетонный полукруг, охватывающий залив, со всеми непременно атрибутами почти городского пляжа, к примеру, продажей мороженого и пирожков (мороженое было фруктовое, по семь копеек, а пирожки, горячие и с ливером, по пять). Кроме того, там были расставлены плохо оструганные топчаны, а если топчана не доставалось — пожилыми людьми особенно ценились места под навесом — можно было взять напрокат «лежак» или шезлонг. Ещё напрокат можно было взять ракетки для бадминтона, ну и всякую прочую ерунду. А Песчаный пляж был просто квадратом сравнительно чистого песка между двумя высоченными заборами. Сначала его просто весь густо и тесно устали топчанами. Потом слева, вдоль забора училища или базы, построили двухэтажный пирс, наверх которого тоже наставили топчанов и громко назвали все это сооружение «солярием».

Я стою на самом краю холма, за которым дорога начинает спускаться к морю. Моря ещё не видно, ещё нужно сделать два или три шага, но я почему-то стою и просто слушаю. Внизу, за негромким шумом толпы и частыми взвизгами детей, слышен прибой.

Конечно, не обязательно было ходить именно на эти пляжи — был еще пляж «Омега», названный так за сходство по форме с заглавной греческой буквой — узкая горловина залива и за ней ленивая широкая лужа, до безобразия мелкая (и потому безопасная для детей) и, естественно, донельзя взбаламученная. На Омегу нужно было ехать троллейбусом, вечно переполненным курортниками с пляжными сумками, наполненными всевозможным припасом, в первую очередь съестным, и детьми с заб-

лаговременно надутыми резиновыми кругами. Можно было пойти и пешком, но бабушке это было уже тяжело, а нам уже хватало разумения, когда она отставала, соизмерять шаг, если она не посылала нас вперед, скажем, занять место, а, заняв этот самый «топчан», сесть на него чинно и ждать, но не размахивать руками и не вопить, как дочерно загорелый пацан рядом: «Мамань, газу, газу!», с характерным хохляцким «гхе». Из-за неглубины я не любил этот пляж, но зато на нём, в отличие от всех остальных, можно было взять напрокат почти настоящую весельную лодку и заплыть на ней далеко-далеко, где вода становилась, наконец, чистой, и, если подождать, мимо проплывала настоящая медуза — не та железная плошка, которых было полно на берегу после шторма, а настоящая медуза — сантиметров тридцать, голубовато-розовая, с тяжёлым стволом толщиной в руку, со всякими выростами и присосками. Таких медуз я в руки брать боялся — ещё «стрекнут», как это с чувством превосходства говорили местные, стрекнутые неоднократно. А ещё была Учкучевка, на которую нужно было плыть на небольшом катере почти полчаса. Она хороша как раз своей полной противоположностью Омеге — это был широкий залив, полностью открытый в море и галечным берегом круто уходящий вглубь, так что в двух шагах уже было по шейку и нырять можно было прямо от прибоя. Это, впрочем, тоже был цивилизный пляж, с топчанами, шашлыками — на тех трёх пляжах, около нас, шашлыки появились много позже, — с многими загадочными киосками, вроде тех комков, что стоят повсюду, и так же торговали в них всякой всячиной.

И вот я стою здесь, за холмом, а где-то там внизу, совсем рядом, шумит себе море.

Марина МОСКВИНА

ШОКОТЕРАПЕВТ ГУСЕВ
ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Как-то раз мне приснилось, что я бреду по раскалённой пустыне с какой-то уж очень классической котомкой. Палящее солнце, ни кустика, ни родника, иду, выбиваюсь из сил, ноги вязнут в песке, смотрю — раскинув руки, стоит Анатолий Георгиевич Гусев, психотерапевт из нашей районной поликлиники, причём так замер — не моргнёт, не чихнёт, не кашляет, лишь руками чуть-чуть шевелит на ветру.

Я подошла к нему поближе и говорю:

— В твоей тени можно отдохнуть?

А он мне (дерево заговорило!) отвечает:

— Каждый должен быть САМ тенью для себя.

Ещё мне снилось однажды, что он с пятнадцатого этажа кричит:

— ЖИЗНЬ, Люся, ЭТО — ...

А я стою, задрав голову, около подъезда, там шумно, машины ездят, лают собаки, дети вопят, кто-то с кем-то ругается...

Я:

— Что? Что? Повторите!..

Он снова:

— ЖИЗНЬ — ЭТО — ...

— ЧТО? — ору. — ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ???

И как назло ничего не слышу и не понимаю.

Сам Бог мне послал его, сам Господь Бог, стоило мне оказаться на перепутье. Ведь сорок лет — возраст или-или. И если кто-то не понял, о чём идёт речь, значит, он ещё не приблизился к этой явственно обозначенной границе.

Ты попадаешь в другое измерение, в какой-то сплав глубокого-глубокого счастья и бездонной тоски. Где моё незабвенное ликование в чистом виде, которое испытывала я когда-то, просто просыпаясь утром, просто просыпаясь, вот и всё? Взрослый мальчик, старая собака, пасмурный май, цветущие сады. Сорок три года. Смерть стоит за плечами, легонько так дышит в затылок — вот мой сегодняшний день, моё майское утро.

— И почему все так беспокоятся о смерти тела? Вместо того чтобы думать о смерти Эго, — искренне удивлялся Анатолий Георгиевич ещё тогда, когда я и не думала умирать. — Ну что такое смерть? Это обрыв воспринимающего сознания, простенький психологический тест — насколько ты отождествлён с телом.

— Понаблюдайте за своим сознанием, — он говорил мне, — и вы обнаружите, что умираете по несколько раз в минуту. Сознание мерцает, как пламя, любая ерунда может выбить вас из сознания, даже укусы комара! Вы лично несколько раз в минуту имеете полное право улететь на погребальный костёр. Вас выручает только то, что вы, Люся, являетесь собой скопище разнообразных механических проявлений, стереотипов и условных рефлексов. Этот автопилот маскирует вашу кончину и не даёт вашим близким оплакивать вас через каждые три-четыре секунды. Но этот же самый автопилот мешает вам быть действительно живой, осознать, что вы, Люся Мишадоттер, есть нечто большее, чем это слабое тело или ограниченный, обусловленный ум, что вы охватываете целую Вселенную. Тогда бы отказались от своих собственных устремлений, ибо внутри себя более не испытывали ни в чём недостатка!

— Был у меня пациент, эфиоп из Аддис-Абебы, — рассказывал доктор Гусев. — Ясный солнечный день — у него прекрасное настроение. Но как только садится солнце или пасмурно — страшная депрессия, мрак, кошмар, суицидальное настроение, это длится до восхода солнца; он вешается, его из петли вынули (след на шее остался), привезли ко мне в психушку. Солнце в окне, я смотрю — его профиль на фоне солнца — вылитый Пушкин. Они же, эфиопы, не плосконосые — тонкие черты, бакенбарды. «У нас, — он говорит, — в Аддис-Абебе памятник Пушкину стоит, и я все его стихи знаю». Уж я ему и так пробовал объяснить и этак, весть передать от сердца к сердцу, что солнце не является для него чем-то внешним. Закрой глаза, я говорил ему, войди в себя, ищи внутри и, когда приблизишься к центру своего сознания, ты обнаружишь вечный свет, там все двадцать четыре часа в сутки сияет солнце, вот где твой Дом, а не в Москве и не в Аддис-Абебе.

Но он меня не слушает, дрожит, я вижу, жить ему осталось до заката. Тогда я просто позвонил в посольство и заявил, что их эфиопу не подходят наши климатические условия. Они: «Вот ещё, какие нежности, на его образование государство потратило деньги...» А я им говорю: «Вы будете нести ответственность за гибель этого парня». Через пятнадцать минут подъехала машина, оттуда вылезли чёрные люди с билетом на его имя, не заезжая в общежитие, помчались в аэропорт и тут же отправили его в Эфиопию.

— Вы, Люся, чем-то смахиваете на этого эфиопа, — говорил мне Анатолий Георгиевич. — Вы

постоянно теряете саму себя, отождествляясь то с одним человеком, то с другим, как эфиоп с солнцем. Это и есть обрыв сознания. Но если вы смотрите на мир и помните себя, вы без ума от солнца, но, как сказал поэт: «О, солнце, то, что сияет в тебе, сияет и во мне!», вы иначе станете относиться к смерти, вернее, вы к ней вообще не будете иметь никакого отношения.

Тут доктор Гусев хватает колокольчик и начинает с ним расхаживать по кабинету, оглушительное звеня. Это у него такое наглядное пособие.

— Звенит колокольчик, — он весело кричит, — а вы, Люся, думаете, что это еда! Не отпирайтесь, я вижу вас насквозь, вы *вся* — по академику Павлову. А между тем, колокольчик — просто колокольчик! — и он заливается счастливым смехом. — Какие напрасные муки бы вас миновали, пойми вы, что это вещи, вообще не связанные друг с другом!

— Кстати, будете чай? — он спрашивает. — У меня есть пирожные «корзиночки».

— Очень интересно наблюдать за жизнью людей, — он говорит, заваривая пакетики мяты. — Если у вас нет предубеждений, то возникают странные факты. Одного человека случайно заперли в холодильнике. А он не знал, что холодильник не включён. И насмерть замёрз! Приходят, а он синий весь. Хотя было лето, внутри, как на улице, — двадцать градусов тепла! Это до чего надо быть в плену у своих представлений, я вас спрашиваю?! Помните, Диоген ходил днём с фонарём?

Он искал *человека* в текущем реальном моменте, где прошлое больше не нависает над вами и будущее не тянет за собой, где существует только настоящее, где этот самый момент есть всё и в этой тишине, в этом покое и равновесии слышна извечная музыка жизни. Но Диоген был великий шутник, так как в этом текущем реальном моменте за всю историю человечества можно встретить лишь горстку просветлённых. Каждый может туда попасть, но все отвлекаются, все живут, как во сне, — смотрят и не видят, слушают и не слышат. Грёзы, фантазии, тщеславие, неполноценность, страх смерти, жажда жизни, тысяча желаний, иллюзий — люди всецело поглощены либо воспоминаниями, либо мечтами. Один грузин мне рассказывал, его приятель в большом застолье выпил нечаянно вместо чачи — стакан воды. И умер! Якобы от обиды. Видали, какие мы делаем вклады в свои ожидания и расчёты?! Надеялся на одно, ожидание не оп-

равдалось — чуть-чуть притормози, взгляни, что тебе приготовила жизнь, а вдруг это то, что надо?! Нет — шок, разрыв сердца, нелепая смерть... Ещё есть такая байка всемирно-глобального масштаба из хрестоматии по психологии: один человек сел покакать, а ему — кто-то подшутил! — и поставил совковую лопату. Он какал-какал, они лопату убрали, тот обернулся, а там ничего нет.

— Я повторяю, — сурово сказал доктор Гусев, — человек какал-какал, обернулся, а там ничего. Он был так потрясён, что от удивления умер.

— Это потому, Анатолий Георгиевич, — я отвечала ему, — что все эти люди не верили в чудо! Нет бы, грузину вскричать: «О Господи, я как Иисус Христос! Только наоборот. Он превращал в вино — воду, а я в воду — вино!» И начал бы петь и танцевать. А тот из хрестоматии всемирно-глобального масштаба воскликнул бы: «О! Моё говно куда-то подевалось. Его унесли ангелы!» или: «Его перетащили муравьи в безопасное место!» Либо ты полностью утопаешь в своих грёзах и иллюзиях, чтобы ни проблеска яви, ни тени сомнения в материальности миража. Или ты сомневаешься во всём и подвергаешь сомнению само существование мира. А среднее — где большинство находятся, вот они и страдают.

— Все перечисленные вами дороги ведут к конечной стадии шизофрении, — добродушно отзывается доктор Гусев. — Знаете ли вы, Люся, что такое чудеса? В сущности, нормальные вещи, происходящие на более высоком уровне бытия. Для человека продвинутого это просто факт, для не продвинутого — чудо, а для профана — ничего. Он не воспримет, не заметит, заспит, подавит, найдёт способ проигнорировать. Например, когда я учился в школе, — сказал Анатолий Георгиевич, — я умел летать. Я, стоя, приподнимался от земли. «На чём стою?» — спрашиваю. Ребята говорят: «На полу». Я — выше. «На чём?» — «Ты на цыпочки приподнялся». Не верили своим глазам.

Один парень из нашего класса стал меня раскручивать: ты врешь, что ты умеешь летать! Полетай! Не сможешь, не полетишь... Я сначала не хотел показывать. А потом взял и полетел. Тут он меня за галстук схватил и побежал, как с воздушным шариком. И я ничего не мог поделать. За воздух ведь руками не схватиться. Тогда я нарочно стал тяжёлым и упал на землю в цветы. А этот клочок галстука остался у него в руке. Он извинился. Он знал, что я его прощу. И я его простил. Но не совсем. Об этом случае писали в

«Пионерской правде». Все были в шоке, кто *смог* это увидеть. А некоторые, хотя они стояли в коридоре подняв головы и очень внимательно смотрели, когда я над ними пролетал, не зафиксировали полёт! «Никто тут не летал!..» — они говорили, когда их спрашивали. Похожая история случилась однажды, когда к затерянному в Тихом океане острову подплыл огромный корабль. Туземцы, имевшие дело исключительно с крошечными каноэ, просто НЕ УВИДЕЛИ его, поскольку это не соответствовало их представлениям о мире.

— Вы, Люся, по-своему не обращаете внимания на чудо, — методично и рассудительно продолжал доктор Гусев. — Когда к вам приходит что-то из запредельного, вы это, не пережив, не осознав, мгновенно вышвыриваете в свой роман. В итоге этот подарок небес всего лишь питает эго творца и вводит вас в заблуждение, якобы вы что-то из себя представляете, хотя человек не сам что-то из себя представляет, а ТО он представляет из себя, проводником чего он является. Сам же никто ничего из себя не представляет.

— Ещё есть забавный способ проигнорировать! — радостно заметил Анатолий Георгиевич. — Принять проявление чуда за нарушение дисциплины. Я помню, в детстве мы с мамой ходили в гости, все сели за стол, а мне не хватило стула, тогда я поднялся в воздух и стал сидеть ни на чём. А мама рассердилась и говорит: «Толик! Перестань! Возьми стул! Я кому сказала?! Немедленно прекрати! Иди возьми стул! Не надо ТАК!..»

— Я до того был лёгкий, — рассказывал Анатолий Георгиевич, — если меня толкнуть, я мог так далеко отлететь, что потеряться из виду. Мы шли с моим другом, вдруг резкий порыв ветра — и ветром меня отнесло метров на десять. Я пронёсся над лужей, задел её и обрызгал прохожих. И эти прохожие стали ругать моего друга — зачем он меня толкнул?! А мог стать тяжёлым — и пол подо мной трещал.

— Как я *тогда* понимал огонь, что он живой, рождается, живёт и умирает. Я зажигал спички, и пламя, когда я на него смотрел, ярче разгоралось. Потом я понял, что всё — огонь, и всё — пылает. Потом я понял: всё есть свет, потом — всё звук, а до этого я думал, что всё — это вкус или прикосновение.

— Я мог играть на любом музыкальном инструменте. На чём только хочешь. Мог взять первые бамбуковую флейту — и заиграть.

— Я был одиноким и ясновидящим зрителем многообразного, изменчивого, почти невыносимо отчётливого мира. Собственные руки каждое утро вызывали во мне удивление. Без всякой убыстренной съёмки я мог увидеть, как муха *плавно* взмахивает в воздухе крыльями. Я видел обыкновенный упавший с дерева лист, как никто другой не увидит, хоть смотри на него с утренней зари до ночи, всю жизнь. Тогда я точно знал, что мы бессмертны, а умираем потому, что бессознательно подражаем друг другу. Раньше люди жили по сто тысяч лет, а сейчас съедают себя за рекордно короткие сроки. Люди устают и засыпают. Устают, потому что балбесы, почему бы им не отдохнуть?

— В любую минуту я мог становиться невидимым. Надо было только взять зеркало и посмотреть себе в глаза. Однажды я исчез в электричке. Напротив мужчины внимательно наблюдал за мной. Когда я появился, он вдруг подсел ко мне и спросил: «Как ты это делаешь?» Я: «Что делаю?» Я думал, это иллюзия в моём сознании. «Как у тебя получается — исчезать?» — «А я разве исчезаю?» — «Ах, ты этого не знаешь?..»

— Потом я ехал в метро и тоже исчез. И тут все начали подходить и садиться ко мне на колени. А я их спихивал.

— Однажды в автобусе я посмотрел на своё отражение — и отражение исчезло. Все стали отшатываться от меня, как будто их током било. Ведь это вышибает людей из их представлений о мире. Одни говорят: «Подвиньтесь, там у вас место пустое!» Пассажиры видят: действительно, ничего нет, но что-то есть, и вроде бы даже живое. Меня толкнули, я закричал, мы давай переругиваться! Как раз была остановка, меня выбросили на улицу и чуть не затоптали.

— Что интересно, — рассказывал Анатолий Георгиевич, — я исчезал вместе с одеждой. И если снимал с себя что-то в этом состоянии, то потом эту вещь никак не мог найти. А если, невидимый, надевал видимую вещь, то она оставалась видна! Раз как-то я надел пальто, ботинки и пошёл. Народ во дворе шарahalся, а один мужик подбежал и схватил меня за голову.

— От меня что-то шло, все девочки были в меня влюблены. Но у меня ни к кому ничего такого не было. Я вообще сексом совсем не интересуюсь. Я пытался им объяснить, что любовь — это не отношение, а состояние души. Я показывал им чудеса, чтобы они поверили: что-то есть ещё. Так

делал Иисус Христос. Я им являлся во сне, я звал их в неведомое, а сейчас я даже боюсь их увидеть — что с ними стало? Во всяком случае, мальчик, который видел, как я летал, он встретил меня после армии и обнял так, как обнимаются люди, когда они открывают друг другу сердечные центры, обмениваясь энергией.

— Я мог раздвигать предметы. Листок, например, с какой-нибудь надписью. Но дубликат, как ни странно, оказывался светлее и легче. И все сомневались: вот, тут бумага белее и чернила другие... И спрашивали, могу ли я раздвоить рубль? А я им рассказывал притчу, как один человек решил таким образом разбогатеть и овладел подобной техникой, но при этом так укрепил свой дух, что деньги выбросил, они ему были уже не нужны. Я всё время рассказывал притчи, а говорил стихами. Кстати, *один листок* я потом сохранил. И когда всё кончилось, я иногда случайно встречался с ним, и меня тоже било током. Я смотрел на листок, пытаюсь вспомнить, как это было, но не мог.

Перед армией я всё съёг, связанное с этим. А листок я сжигать боялся. Но все равно я его куда-то дел... и... к чему же я?..

— Как это кончилось? — спросила.

— Все двигалось по восходящей, — отвечал мне доктор Гусев. — Я был абсолютно здоров, все мои желания исполнялись, я умел воскрешать из мёртвых, лечил и предупреждал об опасности, с лёгкостью предсказывал судьбу, я читал мысли на расстоянии, но давно уже не понимал, где кончаются мои мысли и начинаются чужие. Я был ВСЕМ и от имени ВСЕГО говорил: «Я!» Тунгусский метеорит Я послал на Землю. Это была помощь Земле, но Земля её не приняла. Тогда мы взорвали его в тайге и решили действовать не так эффективно, а тоньше. Земле постоянно оказывают поддержку, поскольку Земля — это привилегированное место, где могут просветлеть отдельные личности. В отличие от других цивилизаций, где все должны разом подниматься на верхние ступени сознания. А если поднимется кто-то один, тяготы Вселенной лягут ему на плечи.

— Я был почти властелином мира, пройдя все круги эго, даже самые тонкие, и оставив их позади. Я был на пороге пустоты, и мне оставалось сделать шаг. Я сел на диван и закрыл глаза.

Вначале всё шло, как обычно. Передо мной возник фиолетовый круг и стал удаляться, мерцая, пока не превратился в пульсирующую огненную

точку. Знакомый поток подхватил меня и понёс вдаль и вверх, набирая скорость, закручивая мёртвые петли, в серебряные поля по своему непредсказуемому руслу. Вихрь бьёт в лицо, невозможно вдохнуть, скорость, как у самолета.

Внезапно в лоб ударило малиновое солнце, а по моему позвоночнику вдруг начал подниматься сильный жар, он тёк вверх, словно раскалённый свинец, я был в шоковом состоянии, но терпел, пока этот пламенный ртутный столбик застрял на солнечном сплетении. То ли в тот момент я был не готов, то ли недостаточно чист, я почувствовал страшную боль, нестерпимую. И я сказал: «Всё, больше не надо».

И всё кончилось.

Дня три ещё меня трясло, поэтому я до конца не осознавал, что случилось. На четвёртый день я проснулся нормальным обычным человеком, неплохо разбирающимся в психологии.

— Я пойду плакать о вас, — я сказала.

— Вам надо плакать о себе, — ответил Анатолий Георгиевич. — В чём радость вашей жизни? Что у вас есть, кроме сюжета? Ведь человек живёт не в сюжете, а в промежутке между нотами. Реальность — это паузы.

— Каждое утро мир имеет свой узор, — он говорил мне, — этот узор непрерывно распадается и складывается новый, а вы цепляетесь за вчерашний, на это уходит вся ваша жизненная энергия. Вы хотите остановить мгновение, потому что оно якобы прекрасно, стремитесь удержать всех и вся, и вас несёт по степи, привязанную к хвосту арабского скакуна, всю в крови. Но остановленное мгновение — это болото и вонь, а вы стоите на пути у потока и пытаетесь контролировать самую Вселенную.

— Вы, Люся, помешались на любви. Но давайте разберёмся. Итак, вы не понимаете, почему любовь *всегда* так трагически оканчивается. Почему нельзя, чтобы это длилось и длилось, спокойно, светло и размеренно? Ведь любовь — такая защищённость, стократное подтверждение того, что вы есть, — и вдруг — обрыв, холод, бездна и пустота. Но откуда мы знаем, — воскликнул Анатолий Георгиевич, — может, то, что приходит к нам, когда все рушится, и есть то, ради чего это было?!!

— Я вам открою один секрет, — он говорил, понизив голос. — Поистине захватывающим является не сюжет нашей жизни, а каков ты в этой драме перемен.

— Надо всё время думать о смерти, — советовал доктор Гусев. — Легко и весело думать о смерти, о самой прекрасной смерти, какая может быть! А то люди так боятся умереть, что начисто упускают жизнь.

— Вы не знаете себя, Люся, — он говорил мне. — А то, что вы о себе вообразили, гроша ломаного не стоит по сравнению с тем, что вы есть. Вы слишком деятельны, устали, высушены, разочарованы, заморожены. Жизненная энергия совсем не движется. Чтобы преобразить ваше смятение в ясность, а страх смерти — в милость и пробуждение, вам нужна встряска. И я вам это вполне могу устроить. Ведь основная моя профессия — шокотерапевт. Вам известно, что я эксперт ЮНЕСКО по шокотерапии? Что если нам попробовать Программу Просветления по системе Вернера Эрхарда? Я буду вас планомерно оскорблять, вы будете жариться на сковородке, пока не дойдёте до дна и покончите со своим эго, которое не позволяет вам признать основополагающее единство всех вещей. Но это вам будет дороже стоять.

— ...Ну, можно попробовать, — говорю. — Вдруг это принесёт плоды?..

Я спросила у Лёвика, даст ли он мне дополнительно на лечение? Лёвик ответил, что даст, и вот я, немного опоздав, явилась на первый шокотерапевтический сеанс. Видно, дела Анатолия Георгиевича шли прекрасно, с большим размахом и коммерческим успехом, перед его кабинетом сидела очередь из удручённых, колючих, покинутых, неразумных, продрогших, погасших, людей-зверей, живорождённых, яйцерождённых, рождённых из пота, из ростков ржи, лелеющих мысль о самоубийстве, жалобщиков и неизвестных несчастных. Среди них был, кажется, один поэт.

— За последние десять лет, — он сказал, — я сочинил одно стихотворение, состоящее из одной строки. Он встал и продекламировал:

«Я слышал крики, но не оглянулся...»*

— Теперь я живу под столом на кухне, — добавил он уже в прозе.

— ... И каждый год у нашего полковника, — кто-то рассказывал, — бывал какой-нибудь недуг, который совершенно лишал его рассудка. Когда это на него находило, он очень много говорил, вроде как тараторил. И его дурь бывала каждый год другая. Один раз ему казалось, что он бидон с квасом. Иной раз ему казалось, что

он лягушка, и он прыгал, как лягушка. Иной раз ему казалось, что он умер, и надо было его всем взводом хоронить. Уже перед самой демобилизацией, я помню, он начал воображать, будто он нетопырь. Когда он выходил на прогулку, он глухо так вскрикивал, как делают нетопыри, и при этом изображал руками и туловищем, как будто он собирается лететь.

— Я его тут увидел в толпе, — до меня долетали обрывки фраз. — Увидел и растерялся. Он двадцать лет её любит, рассказывал все свои дела, а она оказалась не женщина, а мужчина, и не актриса, а шпион.

Короче, когда подошла моя очередь, у меня вся крыша была набекрень. Ну, я захожу в кабинет и говорю:

— Здравствуйте, Анатолий Георгиевич.

А он мне — я никогда не забуду торжественность этой минуты — и заявляет:

— Что, жопа, опоздала?

Я, честно говоря, немного опешила и спрашиваю растерянно:

— Вы почему говорите мне «ты»?

А он мне:

— Ой, ой, корёжит из себя жену Эйнштейна! А сама дура дурой!

— Но позвольте, — говорю я.

А он — мне, злой, как голубь:

— Давай, — говорит, — доставай свой дневник психопатки, этот дерьмовый, полностью никому не нужный графоманский роман, я им задницу подотру!

Чувствую, я вдохнула, а выдохнуть не могу.

— Что вылупилась? — кричит Анатолий Георгиевич. — Козлиха! В котле будешь вариться за свою литературу. Если на шизофреника с крыши падают кирпичи, они его хоть как-то возвращают к реальности. А ты кирпичи, которые летят тебе на голову, ловишь и строишь из них прекрасные замки. Но я не архитектор! — взревел доктор Гусев. — Я воин. И я не дам тебе уйти в сон и забытьё. Я разрушу твой грезящий галлюцинирующий ум!

Он орал, как наш сосед дядя Саша контуженный, добрейший был человек, лечился от радикулита укусами пчёл, но если он начинал орать — кранты!

Сначала я не вступала с ним в пререкания, не перечила. Крепись, душа моя! Но меня так тряс-

*Стихи поэта Бонифация

ло, я чуть ли не разваливалась на куски. Я даже вспомнила самый ужасный случай в моей жизни, как мне однажды в школе при моем любимом мальчике сказали, что у меня глисты. «Ты, наверно, разлюбишь меня теперь?» — я спросила у него, когда все разошлись. «Да ну, — он ответил мне. — Человек-то красен не глистами!..»

Короче, я всё-таки проявила свою угнетённую амбицию и спросила:

— Почему я, такая тонкая, должна всё это терпеть?

— Ты? Тонкая? — изумлённо произнес доктор Гусев. — Да ты конь с яйцами, фиалка с корнями дуба! Такой мымыры, злыдни и такой пиявки, как ты, я ещё никогда не видел. Тебя бросила толпа людей. И все они правильно сделали! Бог есть любовь. А твоя любовь — это дерьмо из жопы. Обиделась? Так тебе и надо!

Я стала медленно оседать на кушетку. Глаза слипаются. Я просто форменным образом засыпаю.

А он кричит:

— Смотри, как ты себя жалеешь! Какой доктор Гусев нехороший, обидел ни за что ни про что! А я отвечаю тебе, идиотке: чёрное к белому не прилипнет! Не спи! Гляди, что с тобой происходит! А то я из тебя душу вытряхну! — это я слышу уже сквозь сон. — Засыпает, — удивлённо сказал сам себе Анатолий Георгиевич. — Какой могучий защитный рефлекс.

Ночью мне снилось, что Анатолий Георгиевич завопил и у него голова отвалилась. И вдруг зазвонил телефон. Я думала: Коля Гублия из Гваделупы. Он мне звонил и говорил:

— Люся, моя золотая, ты пришла в этот мир скорби со своей улыбкой, ты презираешь меня, я ем лук и чеснок, пью вино, не молюсь, на столе сейчас передо мной — коньяк и закуска, а ты — воплощённое божество, аватар, я поклоняюсь тебе. Не уходи, пожалуйста, в Тибет, пока мы сами тебя об этом не попросим.

Но это был доктор Гусев.

— Что, жопа, ещё не подохла? — спросил он угрюмо. — А я тут пишу твою историю болезни и капнул чернилами на брюки. Не знаешь, что делать?

Главное, мои близкие с большим сочувствием и любознательностью отнеслись к его прогрессивной методике. Лёвик тоже проснулся и говорит:

— В тебе, Люся, слишком уж много различных опасений. Вот он из тебя их и вытряхивает. С него

станется, например, прислать сейчас к нам домой «скорую помощь». Оттуда выйдет санитар и передаст тебе, что у Анатолия Георгиевича упала на пол вилка. Но он её поднял, вымыл, вытер. И теперь снова всё в порядке.

А мой мальчик, когда я ему пожаловалась, что на сеансе по шокотерапии я чуть Богу душу не отдала, заметил:

— Такое складывается впечатление, что все мы живем только для того, чтобы не отдать Богу душу.

А я смотрю себе в глаза и вижу — во мне океаны плещутся. Я чувствую, во мне что-то ворочается — огромное, как слон. Тогда я прямо с утра пошла и купила себе новые турецкие ботинки на толстой подошве. И довольно чудовищную коричневую шляпу. Всю дорогу в поликлинику я старалась выработать абсолютно несвойственную мне раскованную и вольнолюбивую походку.

Я убеждала себя, что в приёме сеансов по шокотерапии должна быть доля здорового еврейского скепсиса. В общем, когда я вошла в кабинет, целых, может быть, пять минут или три минуты, или одну, после столь изнурительной подготовки, мне удалось сохранять невозмутимость.

На этот раз над Анатолием Георгиевичем, помимо его дипломов об окончании психфака МГУ, свидетельства об участии в Первой российской конференции по энергообмену и удостоверения участника Международного Конгресса по пупочной чакре в Париже, — на красном ковре висело какое-то приспособление для отрубания головы.

Я сразу спросила:

— Что это у вас?

А он ответил:

— Это мне привезли из Закарпатья. Секир башка называется.

Он сидел — такой лысый, усатый, молодой, в общем, он интересный был парень, ел постоянно пирожные «корзиночки», запивал «пепси-колой» и говорил:

— Ты, Люся, в ловушке тоски, ты бьёшься в её тенетах, и где тебя ни тронь, везде свежие раны. А всё потому, что ты имеешь насчёт себя определённые идеи. К примеру, ты думаешь, ты светская львица и рафинированная интеллигентка. А я тебе знаешь что скажу? У моего знакомого Хабибуллина — жена Лариса Хабибуллина, у неё нормальная голова, нормальная грудь —

третьего-четвёртого размера, и невероятных размеров жопа. Если сложить жопы всех моих пациенток, плюс жопы ваших мам, её жопа все равно будет больше. Она сама говорит: «У меня самая большая жопа в Ростове-на-Дону!» Причём Хабибуллин — крошечный, щуплый, я ему говорю: «Серёжа! Как же так?» А он: «... её знает, женился на нормальной, а она как пошла рasti! Что делать — не знаю. Может, отрезать?»

Этой историей доктор Гусев вонзил мне нож в сердце. И два раза повернул.

— Зачем вы издеваетесь над ней? — я крикнула.
— Какого дьявола?! Она сама переживает, что у неё такая большая жопа!..

И выбежала от него, и побежала по Крымскому мосту.

— Господи! — я бормотала, задыхаясь. — Ты-то любишь меня? Я уж не требую от тебя верности мне! Знаю, что я у тебя не единственная. Но только не бросай меня, Господи! Не покидай. Не забывай обо мне, умоляю тебя, не оставляй меня одну среди камней.

На реке ледоход, вдоль берегов плыли льдины в окурках и апельсиновых корках, медленно-медленно, но очень быстро. А на левом берегу во мгле вечерней полыхали шкафы. Шкафы мне всегда почему-то жаль. К тому же было не видно, кто их туда приносил и бросал в огонь, как будто они подвергали себя самосожжению.

Мимо меня по мосту проходила влюблённая пара. Юноша что-то рассказывал, я только услышала, он говорил своей любимой девушке:

— Кишки они выедают сразу.

«А тело — потом?» — я подумала и неожиданно пересекла границу ума.

Мое сознание величественно поплыло по всей дуге моей жизни в смерть, где светился один фиолетовый свет, который мне раньше казался голубым, художники называют его «фрост», там не было никого и ничего, но слышался гул, с которым горели на берегу Москвы-реки старые шкафы.

Потом я вернулась по этой дуге назад, как Билли Пилигрим, пока не дошла до утробы жизни, где был алый свет и плеск. И вновь очутилась на Крымском мосту. Я полностью потеряла понятие о времени и помню только, что шла ночью, и шла долго, потому что улицы были очень красивы в лунном свете. Когда я вернулась домой, позвонила моя мама Вася.

— Где ты гноишь Маяковского и Горького? — спросила она очень строго. — Обозначь их местоположение, где они гноятся, я их заберу.

Через полчаса Вася позвонила и всех нас — Лёвика, мальчика и меня, — если мы её любим, попросила посмотреть «Чапаева».

Я посмотрела «Чапаева», напилась и дебоширила всю ночь. Лёвик, как мог, пытался меня урезонить.

— Что ты плачешь, человечек? — он спрашивал.
— Ещё последняя песчинка не упала, а ты плачешь.

Под утро я сняла трубку и набрала «100» — узнать, который час.

И вдруг — голос тётки, хриплый, как у рыночной торговки:

— Тебе чего?

Я говорю:

— Вы не подскажете, который час?

А она:

— Спать пора!

Я так удивилась.

Утром я отправилась к доктору Гусеву.

Он молча смотрел на меня, дым шёл у него из ушей и из глаз, а я стояла и плавилась под этим взглядом, вообще уже не понимая, как я должна на всё это реагировать.

— Что, жопа, не выдержишь спокойного взгляда? — спросил Анатолий Георгиевич с паучей свирепостью. — Простого, никакого, без обожания? — и в голосе его зазвучал титан. — А как ты испугаешься ТОГО БОЖЕСТВЕННОГО ВЗОРА, который смотрит НА ВСЕГО ТЕБЯ — до дна — до того самого момента, когда ты был амёбой. Это невозможно выдержать. Вся твоя дурь, незначительность, все твои мели и прикамбасы — всё освещается, высвечивается, и первое, что тебе захочется, — убежать! Что ж, — говорит он, — убирайся, не мозоль мне глаза.

А я стою перед ним — с отчаянием и той же необъяснимой улыбкой на губах. Ноги у меня как ватные. Земля разверзлась подо мной. Тогда он взял и просто-напросто спустил меня с лестницы.

Сердце горит, мне нужно успокоиться, я села на лавочку во дворе, вздохнула и вдруг почувствовала: тот, кто вздохнул, НЕ Я — что-то дышало мной, вся Я была только одним дыханием, свободным ото всего. Ничто не принадлежало это-

му дыханию и никто, ни возраста у него не было, ни пола, там не было ни доброты, ни ума, ни страха, ни привязанности, ни надежды, ни дома, ни тела, ни почвы под ногами... Дыхание всех-всех людей и всех зверей, всех жаб и кузнечиков, и голубей, всех рыб и растений, рек, гор и озёр, весь мир, вся Вселенная дышали мной. Кого во мне не было? Все во мне были.

Я пошла домой, рухнула и проспала пять часов. Вечером он позвонил мне по телефону.

— Мне кажется, какой-то холодок пробежал между нами, — сказал доктор Гусев чуть более миролюбиво, чем он обычно теперь разговаривал, с тех пор, как мы стали с ним осуществлять Программу Просветления Вернера Эрхарда.

— Какая ерунда, — говорю я. — Всё, что вы говорите или делаете, — прекрасно.

— Правда?! — он очень обрадовался. — Тогда я хочу тебя попросить.

— О чём? — я спрашиваю и не могу унять дрожь, как сеттер, когда он почуял лес, землю и чует ежа.

— ... Я хочу тебя попросить, — он сказал, — поменять мне ботинок. Я купил ботинки — один хороший, а другой плохой.

— Чем же он плох? — я спрашиваю.

— Он сделан из дряблой кожи. Ты войдёшь в магазин, попросишь хорошую пару — посмотреть — и незаметно подложишь в ту пару мой дряблый ботинок. Я за метро тебе заплачу. А то мне не к кому больше обратиться.

Также он предложил мне сходить с ним на Тушинский рынок — присмотреть ему демисезонное пальто. Я не смогла тогда пойти, и он купил сам обычную джинсовую куртку с искусственным меховым воротником, а мне потом важно рассказывал:

— Этот человек, который шил эти куртки, он был чудесный портной! Сейчас его нет на свете, он повесился. Но его лекала используются и поныне!..

Он был одинок, мой доктор Гусев, но он был из тех одиноких, которые приняли своё одиночество и уже ни в ком особенно не нуждались. И ему было очень трудно найти себе женщину, уж очень он быстро мог dokonать любого своей язвительностью, придирками и колкостью.

— Я познакомился с женщиной в парке, — он жаловался. — Она рассказала обо мне своей подруге. И та ей сообщила, что один тип тоже так знакомится с женщинами, а потом убивает их и ест.

«Я вегетарианец», — заметил Анатолий Георгиевич.

«И он — вегетарианец», — сказала она.

— Все уж слишком стоят на Земле и глядят себе под ноги, — он говорил. — Не замечая того, что земная поверхность — это берег космического океана. А я стою — там — в космосе — вниз головой — и смотрю СЕБЕ под ноги.

Видимо поэтому он панически боялся зубных врачей.

— Когда у меня выпадут все зубы, — он говорил мне, — я сорок дней поголодаю, и у меня вырастут новые.

Я ему отвечала:

— А вы пятьдесят поголодайте, тогда вырастут даже золотые!

— Ты что, жопа, иронизируешь? — спрашивал он подозрительно.

Одна у него была неутолённая страсть — к оргтехнике. Любой магазин электроприборов вызывал в нём священный трепет. Взгляд его останавливался, пульс учащался, почти в религиозном экстазе он заходил внутрь и с порога просил показать ему паспорт с параметрами какого-нибудь с-ног-сшибательного музыкального центра за сто тысяч долларов, который ему не светит ни при какой погоде. Он часами дотошно изучал ассортимент, уточнял параметры, сравнивал, перепроверял, высказывал разные подозрения насчёт подделок, называл все магнитофоны уважаемых западных фирм корейскими мыльницами, пока его однажды с позором не выставили из магазина.

Он вернулся домой, позвонил мне и в ужасе рассказал во всех подробностях, как это было. Как он не хотел уходить, упирался, тогда они сказали: «Нам что, позвать охрану?» И всё в таком духе.

— Я теперь боюсь, — поделился он самыми сокровенными опасениями, — эти продавцы рассказуют обо мне продавцам всей оргтехники Москвы, разошлют фоторобот и меня никогда больше не будут пускать в магазины электроприборов!

Кстати, однажды он показал свой фотоальбом.

— Это я в младшей группе детского сада, — говорил Анатолий Георгиевич, — это наш первый класс. Это третий. Четвёртый, пятый, седьмой. Пионерский лагерь. Это наша вожатая — у нас с ней была симпатия. Мне нравилась вот эта девочка, эта, эта и эта. Восьмой класс. В центре

наша математичка. Я о ней написал на стене: «Нина — дура». Ой, какой был скандал! Выпускной вечер в школе. А вот мы в техникуме. Я был влюблён в эту девочку. Она как раз на меня обиделась и не хотела со мной сидеть. Но я всё-таки сел с ней рядом. Вон как она надулась! А это мы в армии. С этим парнем я дрался. А рядом стоит наш майор, который любил повторять: «Все мазоли проходят на восьмом километре». А вот мы на семинаре по пупочной чакре в Париже...

Это был человек, которого за всю жизнь никто никогда не сфотографировал одного.

Как-то он мне сказал:

— Я давно хотел тебе предложить: давай с тобой вместе Богу помолимся?

— Вы думаете, слившись, наши голоса станут в два раза громче и ОН нас услышит?

— Да, — он ответил. — А заодно я научу тебя, как сделать так, чтобы твой голос был услышан.

Молиться надо: первое — без слов! Второе, идиотка: молиться надо, ни к кому не обращаясь. Ни к кому конкретно! Ничего не выпрашивая! Просто немного направляя, уж если ты этого хочешь.

Месяц за месяцем он осыпал меня оскорблениями, прямо в лицо всячески выказывал мне пренебрежение, я хлопала дверью, обижалась и снова приходила к нему на приём. Надо сказать, это довольно дорого стоило. И, как нам казалось с Анатолием Георгиевичем, не давало тех результатов, на которые рассчитывал в своей Программе Просветления Вернер Эрхард.

— Программа Эрхарда рассчитана всего на пять дней! — орал доктор Гусев. — На пятый день люди с обусловленными мирскими умами взрываются, постигнув бессмысленность слов. Ты, Люся, гиблый вариант, псих с железными нервами! Где мне найти человека, — он горестно восклицал, — для которого ничего бы не значили слова? Я бы с ним поговорил...

Только теперь мне стала открываться тайна его паломничества. Только сейчас, когда я всё время думаю о смерти, когда я вижу её повсюду, когда она проникает даже в мои сны, я начала понимать, что он испытал, путешествуя во чрево кита.

Нет, я не собиралась отступать. Я не имела права его подвести, он мне доверял, как никому. Поскольку никто его не мог вытерпеть так долго. Он мне сам говорил:

— Из всех, с кем я круто обхожусь, с ума не сошла только ты. Потому что ты уже была сумасшедшая.

Я твёрдо верила: именно он избавит меня от моей нерадивости, научит, как сделать из своей жизни самое лучшее, что я смогу, и тогда я узнаю любовь, перед которой всё меркнет, все восходы и закаты, все деревья, все звёзды и солнце, потому что всё это — лишь отраженье *той Любви*.

И не видел того глаз, и не слышало ухо, что приготовил Бог для любящих Его.

Тем более, мне приснился сон: я иду — уже на том свете, — смотрю, врата, за которыми явно брезжит божественное сияние. Вдруг с некоторым лягом в воротах открылось окошечко, и бородатое лицо неясной национальности спросило:

— Кто твой наставник?

Я не задумываясь, вы слышите, Анатолий Георгиевич, ответила:

— Доктор Гусев.

— А! — говорит. — Ну, тогда проходите.

И тут же эти ворота передо мной со скрипом отворились.

Так что, клянусь, у меня и в мыслях не было послать его к чёрту до того момента, как я достигну обители чистых и стану пригодна для бесконечности. Я только боялась, он сам не выдержит и пошлёт меня. Поэтому я аккуратно, лишь только затянутся раны, звонила, записывалась и возвращалась в его кабинет, готовая ко всему.

Однажды я не смогла прийти на приём и попросила зайти к нему Лёвика. Лёвик зашёл с фотоаппаратом, само дружелюбие, представился очень церемонно и говорит:

— Если вы не возражаете, Анатолий Георгиевич, я вас фотографирую в вашем кабинете под секретом. На мой взгляд, вы являетесь великим психотерапевтом всех времён и народов. Я уверен — за шокотерапией будущее! Мою жену Люсю просто не узнать. Она меня больше ни к кому не ревнует, а то ревновала к каждому телеграфному столбу. Да и в быту лучше стала. Всё время сидит дома и стирает, мы даже бельё перестали в прачечную относить.

На что Анатолий Георгиевич ухмыльнулся зловеще и говорит:

— Ты, Лёвик, знаешь, как что?

— Как что? — доверчиво спросил Лёвик.

— Как говно в проруби, — спокойно сказал Гусев. — Ты жопа, козёл, мудозвон, подонок, ублюдок, скотина...

Увы, Лёвик не дал ему закончить свою мысль. Забыв о столь свойственном ему мягкосердечии, он вдруг покраснел, надулся и хряпнул Анатолия Георгиевича фотоаппаратом по голове. Причём так не рассчитал удар, он ведь никогда не дрался, что нанёс ему черепно-мозговую травму. Доктор Гусев упал и закрыл глаза.

— Я так испугался, что я его убил, — весь в слезах, Лёвик мне рассказывал, прибежав домой. — И что ты меня будешь теперь руга-а-ать!..

Я уронила тапочку в суп, уронила курицу запечённую на пол, всё повалилось у меня из рук. Мы тут же пошли на рынок, купили яблок (я знала, что Анатолий Георгиевич любит кислые яблоки), кураги, квашеной капусты, торт «Полёт», шоколадку с орехами, банку «Кока-колы» и вместе с Лёвиком поехали навещать шокотерапевта Гусева в Институт травматологии.

Войдя в палату, мы почувствовали вокруг него великое пространство. Всё было наполнено тихой радостью и чувством совершенства вещей. Его окружал такой покой, такая тишина. В воздухе витал запах ладана. Сам же Анатолий Георгиевич являл собой всё сострадание, всю доброту, всю человечность в мире и производил впечатление, будто вот-вот должен отправиться в новое путешествие сознания. Лёвик сфотографировал его, и мы потом на этой фотографии увидели, что сквозь доктора Гусева просвечивали подушка и матрац! Светло и расслабленно лежал он на кровати с забинтованной головой, на лбу резиновая грелка со льдом, увидел нас и говорит слабым голосом:

— Это вы, жопы?..

— ... Да, — Лёвик добродушно развёл руками. — Две жопы, — заявил он кротко, — хотят припасть к вашим стопам и попросить прощения за то, что одна жопа хряпнула вас фотоаппаратом по башке. А если вы меня не простите, то я оденусь в рубище, посыплю голову пеплом и до последних дней буду сокрушаться, что сделал в жизни ложный шаг.

— Не стоит беспокойства, — царственно отвечал доктор Гусев. — Любые происходящие в на-

шей жизни события несут в себе скрытые в них послания, которые содержат в себе Учение.

И с этими словами он...

— УМЕР?? — вскричал Лёвик, когда я читала ему эту предпоследнюю главу своего романа.

— Уснул, — сказала я.

— Слава Богу! — воскликнул Лёвик. — А то я думал, что ты в своём романе вывела меня не только как сумасшедшего поэта, подлого изменщика и лове-ласа, но ещё и как убийцу шокотерапевта Гусева.

Он надел свои крылья ангела, взял целлофановый пакет и весело отправился в магазин за продуктами — разгадывать дальше тайны банок, тайны опилок и вечную тайну света.

пока самолёт удаляется от близкой земли,
стюардессы молча дублируют английский текст
о средствах спасения:
выбрасывая вверх руки и заводя их за спину,
наклоняясь вперёд и в стороны.
Чарующая пантомима,
воспоминания пионерлагеря...

не хватает слов.

ЕВГЕНИЙ СТРЕЛКОВ

как будто мало было дождя в весеннем ветреном лондоне,
как будто холодные капли в гайд-парке не стекли по лицу
— пропитали кожу,
как будто снова такой сквозняк из «трубы» на чаринг кросс,
что у тебя текут слёзы...

когда ты, вернувшись, сидишь за столом
спиной ко всем — чтоб не пришлось объяснять:
это влага облаков с атлантического океана,
влага — от перепада давления,
от смены часовых поясов,
от чрезмерной скорости передвижения...

ты слизываешь слёзы — языковой барьер —
сквозь улыбку вспоминая обращения к прохожим:
путанные фразы,
и твердишь про себя:
i don't understand... i don't understand...

пятидневная возможность не думать о прошлом и будущем,
словно «Титаник» из на шумевшего на весь лондон фильма,
разбивается вдребезги о неизбежный лёд
взлётно-посадочной полосы гатвикского аэропорта,
когда самолёт касается земли,
и ты, сглатывая комок в горле,
твердишь про себя:
i am. i must. i am caused

АНГЛИЙСКИЙ ПАССАЖИР

фрагменты книги художника

город заливают сумерки.
глянцевые блэк кэбы втекают в лужи,
обрастая лапами брызг, —
безотчётное стремление успеть к отливу. желание пустоты.

ПЕПЕЛЬНАЯ ТЕТРАДЬ

Странно. запаха у пепла почти нет. это не пепел пахнет так. это остатки запаха сгоревшей материи, вещества, бывшего телом. но тело отжило... немного секунд оно питало огонь. огонь вынул суть и оставил пепел — серую кучку — маленькую, красивую, но дурно пахнущую, нежную, но зловонную.

Но через время запах уходит.

Уходит совсем.

И остается пепел, чистый сухой и разно-серый пепел, я заносу его в тетрадь. без номера или значка. только пепел сухой на влажную бумагу.

Это дома, на крышах проступают буквы, я даже узнаю улицы-улитки, я читаю их пепельные названия, представляю себе фасады. и маленькие дворы, даже лица домов — деревья, которых обычно нет на картах.

Это река. я иду по набережной, меня обгоняют велосипедисты. мне навстречу едут велосипедисты.

Начинаются сумерки.

Мосты... один-за-другим. анфиладой. надо мной — конструктивный: синие трубы, крапlachно-красные тросы растянута перекрещиваются в пепелистых небесах.

Следующего моста почти не помню. помню каменные рустованные арки опор.

Небо гуще. деревья стихли и стёрлись, стусевались и тоже сгусли.

Плотный влажный воздух ничем не пахнет...

раньше пах.

Вот этот мост — очень странный. Старый. Огни проявились (значит, стало ещё темнее). На верх можно внутри светящегося аквариума-лифта, а я — по лестнице. на небном индиго над мостом и надо мной зависли и светятся буквы, почему-то греческие. Неоновые, прозрачные... Река по-

чти не пахнет. пахнут волны. Берег в них отражается, и они пахнут, почему-то неоновом.

Не холодно.

Не очень далеко от реки очень старые развалины — остатки, точнее, останки старой каменной кладки, как рёбра в земле. рядом (чуть подняться) — вход в метро, и из архитектуры потягивает кофе. На первом этаже, видимо, ресторан. за этим стеклом, за этими жалюзи, за той стеной, видимо, несколько *баноксупакемпбелл*.

Уже около двух. Кофе я пил уже. недавно на площади. в итальянском ресторанчике. Они, видимо, здесь все итальянцы.

— Вы откуда, сеньор?

— Издалека.

— И всё же?..

— Из России...(по-нем.)

— Откуда, простите?

— Из России... (уже по-англ.)

— А-а, oo-o...

—

онизроссииискул
ьпторздесьвсе
гонаночьрейст
ранзитныйунего.

— Всего доброго.

— Удачи, сеньор.

Я, правда, по-итальянски так же, как по-немецки, то есть никак.

Оказывается, моё метро до аэропорта уже уехало, придётся ночевать на вокзале... Стеклянная будка-аквариум для ночных ожидающих...

...В четыре или около того — уехал. железные решётки входа открыли, и я уехал, почти все уехали...

Дождик очень лёгкий, какой-то речной (судя по запаху) прошёл. почту-таки открыли. до вылета — какая-то мелочь.

Такой же дождик начался буквально через пару часов, хотя вполне возможно — это был тот же самый — Мокрый и Речной и ночной — слышно даже через стекло. Думаю — полетим.

Сквозь стекло — небо-облака-воздух разреженный — отчётливо пахнут (электричеством и электроингалятором) — запах рассеивается. пространство вокруг — стягивается, уплотняет и начинает вспениваться, одновременно уплотняясь. Я полуулыбаюсь чему-то. грыз сигару. почти прожевал. Наверное, задумался о чем-то. на столе — карта, пепельная карта города.

.шасси, закрылки, чеготамещё.

.приземлился, приехал, прилетел.

Карта из пепельных серых шариков букв, они как будто кварталы на поверхности влажной. на поверхности моей бумаги. как тени серых домов на влажной теплоте.

Я втянул ноздрями обжигающе сухую стройную струйку дыма. она причудливо изогнулась и рекой (...р е к о й...) влилась внутрь. уже голубовато-коричневым мягким и тёплым туманом. в лёгкие не пускаю, держу. туман легко оседает на язык. потом снова в ноздри. выхлоп. остановка.

Пепел серой глыбой обрушивается в подставленную круглую керамическую чашечку. Закрываю глаза. в правой руке между средним и указательным пальцами дотлевет сигара. большим и безымянным слегка надавливаю на уголки глаз. появляются светящиеся клеточки, шашечки. Окна. странные окна серых кварталов впитывают влагу бумажной земли.

Зачем я коплю пепел?

Ну вообще — да. глуповато, конечно, согласен, зато... зато эти районы, кварталы, дома, деревья, которых обычно нет на картах.

Смотри. площадь маленькая. уютная (пряничные маленькие дома по краям). Официанты шутят, балуются точечным фонариком, светят мне под ноги красным лучом в темноте с той стороны площади, от рестораника.

Пойду сварить кофе.

положил огрызок трубочки из сухих табачных листьев. т л е т. беззвучно щёлкает, трещит красная точка, испуская стройный столбик. дым завивается и рассеивается где-то уже вне поля зрения, под тёмным потолком. потоком утекая вверх — исчезает, растворяется в темноте. размывается, разматывается, размазывается, развевается, распускается по ветру, л е т и т... постепенно опускаясь к воде у набережной (там, где утки и алюминиевые решётки мостков), здесь замирает ненадолго, переливаясь, переваливается с-волны-на-волну.

И вдруг быстро-быстро взлетает высоко над проходящей вечерней баржой, над мостом, над левой набережной, над маленькой площадью и дальше — над пепельными крышами, постепенно растворяясь в тёплом сумраке города.

Лето, 1999 год

Dunsany, Edward John Moreton Drax Plunkett, 18th Baron (1878–1957)

*Irish novelist, poet and playwright, born in London. Educated at Baton and Sandhurst, he succeeded to the title in 1899, served in the 2nd Boer War with the Coldstream Guards, and thereafter settled in Ireland at Dunsany Castle in County Meath. In World War 1 he was an officer of the Inniskilling Fusiliers. By World War 2, he was Byron professor of English literature in Athens. His literary works are highly poetic and imaginative. They began in 1905 with the mythological novel *The Gods of Pegana*. At Yeats's invitation he wrote many plays for the Abbey Theatre, including *The Glittering Gate* (1909) and *The Laughter of the Gods* (1919). His verse is contained in *Fifty Poems* (1930) and *Mirage Water* (1939). He also wrote an autobiographical series: *Patches of Sunlight* (1938), *While the Sirens Slept* (1944), *The Sirens Wake* (1945) and *To Awaken Pegasus* (1949).*

— p.451, *Cambridge Biographical Dictionary*.

Те наблюдательные жители улицы Бонд-стрит, которым известны её традиции, прекрасно поймут моё удивление, когда, войдя в лавку ювелира, я обнаружил, что никто не следит пристально за каждым моим движением. Более того, даже когда я взял в руки небольшую камю, и тогда приказчики не сгрудились вокруг меня. Я двинулся вглубь лавки, и все равно не появился ни один, чтобы ненавязчиво сопровождать меня.

Тогда, придя к заключению, что в ювелирном деле произошёл некий невообразимый переворот, я (любопытство моё уже было изрядно подогрето) отправился к забавному старику, лишь наполовину похожему на человека, а больше — на демона, который торговал древностями в окрестностях Сити и заодно снабжал меня сведениями о том, что случилось на Краю Мира. И вот, сразу после понюшки верескового снадобья, что служило ему вместо нюхательного табака, он сообщил мне невероятную важную новость: господин Нипи Танг, сын Тангобринда, вернулся с Края Мира и всё ещё находится в Лондоне.

Сведения эти могут показаться не имеющими значения для тех, кто не знает, откуда появляются сокровища; но если я скажу, что единственный похититель сокровищ, которого найдёт любой ювелир Вест-Энда после того, как знаменитого Тангобринда постигла его незавидная судьба, и есть тот самый Нипи Танг, и что даже в Париже вряд ли найдется достойный соперник ловкости его пальцев и быстроте его ног, когда, скинув башмаки, в одних чулках он пробирается к своей цели, то станет ясно, почему ювелиры с Бонд-стрит не проявляли особенной заинтересованности в своём залежалом товаре.

Тем летом в Лондоне появились большие бриллианты и несколько неплохих сапфиров. В удивительных царствах, лежащих за пределами Востока, правители, вызывающие у просвещённых европейцев достойное удивление, вдруг узнавали, что с их тюрбанов исчезло наследие древних войн, и то там, то здесь хранили сокровищ корон, которым не повезло и которые не слышали лёгкую поступь босого Нипи Танга, умирали после допросов долгой, мучительной смертью.

А в Отеле «Грейт Магнифисент» ювелиры дали обед в честь Нипи Танга; окна в этом зале не открывались уже пять лет, и за обедом подавали вино по гинее за бутылку, не отличимое от настоящего шампанского, и сигары, по полкроны за штуку, не отличимые от настоящих гаванских сигар, — да на них и были гаванские наклейки — и для Нипи Танга обед был великолепен.

В том году в моде были изумруды. Некто по фамилии Грин только что пересёк Ла-Манш на велосипеде, и ювелиры уверяли своих покупателей, что зелёные камни — а «Green» означает «зелёный» — будут особенно хороши, чтобы отдать дань этому замечательному событию, и рекомендовали покупать изумруды.

И вот некий ростовщик из Чипсайда, новоявленный лорд, разделил свои барыши на три равные части: одну на покупку титула, именя с парком и двадцати тысяч фазанов, которые там абсолютно необходимы, одну на поддержание своего положения, а третью часть он положил в банк за границей, рассудив, что, с одной стороны, так будет легче обмануть королевских сборщиков налогов, а с другой стороны, как ему казалось, дни аристократии сочтены и в любой момент ему, возможно, придётся начинать всё с начала, где-нибудь в другом месте. В расходы на поддержание положения он включил покупку драгоценностей для своей супруги, и так получилось, что лорд Кастльнорман заказал двум известным ювелирам с Бонд-стрит, господам, известным как Гросвенор и Кэмпбелл, несколько пристойных изумрудов на сумму в 100 000 фунтов.

Однако изумруды, предлагаемые на продажу, были небольшими и, так сказать, не первой свежести, и Нипи Тангу пришлось отправляться в путь сразу, и недели не пробыв в Лондоне. Я вкратце расскажу о его плане. Немногие знали его, поскольку там, где пахнет шантажом, чем меньше у тебя доверенных лиц, тем лучше (что, вообще говоря, в той или иной степени справедливо и во всём остальном). На берегах опасных

морей Ширура Шан растёт одно дерево, словно бы только для того, чтобы именно на его ветвях и больше нигде строила своё гнездо Птица Дурного Глаза. До Нипи Танга дошёл слух, который, впрочем, был правдой, что если эта птица улетит в Страну Фей до того, как проклянутся птенцы из трёх отложенных ею яиц, яйца обязательно превратятся в изумруды, но если птенцы проклянутся раньше, быть беде.

Когда он упомянул об этих яйцах в разговоре с господами Гросвенором и Кэмпбеллом, они сказали: «То, что надо»; они были немногословны, когда говорили по-английски, поскольку английский не был для них родным языком.

Итак, Нипи Танг отправился в путь. На станции Королевы Виктории он купил фиолетовый билет. Он проехал Херн Хилл, Бромли и Бикли, и дальше Сент-Мери Крей. В Эйнсфорде он сошёл с поезда и направился вдоль тропинки, петляющей в зарослях меж холмов. И на вершине одного из холмов, в рощице, где уже давно отцвели анемоны и куда вслед за Тангом вплыл запах мяты и тимьяна, он снова нашёл знакомую тропку, проложенную в незапамятные времена, неожиданную, как чудо, — тропку, что ведёт к Краю Мира. Почти ничего не значили для него священные тайны этой тропы, родственные тайнам самой земли, поскольку шёл он по делу, и почти ничего не значили бы они для меня, если бы я когда-либо решился доверить их бумаге. Достаточно будет сказать, что он шёл по этой тропе, уводящей его всё дальше и дальше от тех полей, что известны нам, и всё это время бормотал себе под нос одно и то же: «Что, если птенцы проклянутся? Тогда быть беде». То очарование, которое всегда присуще этим безлюдным местам за меловыми холмами Кента, становилось все сильнее по мере того, как он продолжал свой путь.

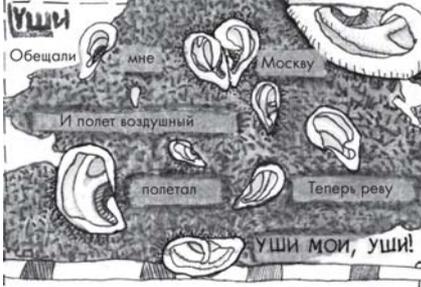
Всё более странным и необычным становилось всё, что окружало Тропинку к Краю Мира. Не раз сумерки, полные тайн, спускались над его головой, не раз над его головой появлялись звёзды, не раз небо занималось рассветным огнём под звон серебрястых колокольчиков — и, наконец, появились пограничные дозоры эльфов из и Танг увидал вдали сияющие вершины трёх гор

ствия. И вот, шагая осторожно (каждый шаг причинял боль, ибо берега мира покрыты огромными кристаллами), он вышел к опасному морю Ширура Шан и увидел, как оно заносит песком обломки упавших звёзд, увидел его и услышал его рёв, рёв моря, по которому не плавают корабли, моря, что между Землёй и родиной фей колышется под ударами ветра, которого нет среди четырёх ветров нашего мира.

И здесь, на седом берегу, под покровом тьмы, — а тьма скользила наклонно вниз с небес, словно замышляя недоброе, — здесь стояло это одинокое дерево, роняющее листья с искривлённых ветвей. Это было не лучшее место для ночлега, а ночь уже опустилась на берег, вся в мириадах звёзд, и звери, что грыскали вокруг (посмотрите в любой словарь — там нет этого слова), смотрели из тьмы на Нипи Танга. И там, на нижней ветке — рукой подать — он ясно увидел Птицу Дурного Глаза: она сидела на том самом гнезде, о котором и шла молва. Она смотрела в сторону трёх загадочных гор, далеко за опасным морем, в ущельях между которыми и раскинулась Страна Фей. И хотя осень ещё не пришла на поля, известные нам, на том берегу уже близилось зимнее солнцестояние, то самое время, когда, как было известно Тангу, должны проклянуться птенцы.

Неужели он просчитался и опоздал всего на минуту? Но птица уже готовилась к перелёту, уже трепетали кончики её крыльев, и взгляд её был прикован к Стране Фей. Тангу оставалась одна лишь надежда, и он пробормотал молитву тем языческим богам, опасаться злости и мстительности которых у него были все основания. Видимо, было слишком поздно, или молитва была слишком краткой, чтобы умиротворить их, ибо это и был момент солнцестояния, и треск ломающейся скорлупы был едва слышен в грохоте моря Ширура Шан, и Птица Дурного Глаза исчезла, и Нипи Танг понял, что беда пришла, — мне недостает храбрости рассказывать далее.

«Ну? — спросил лорд Кастльнорман господ Гросвенора и Кэмпбелла несколько недель спустя. — Что-то вы вроде и не шевелитесь с этими вашими камушками?»

Лётчик-испытатель

Он пока ещё не в морге,
Видел землю с вышины
И испытывал восторги
И терпение жены.

Маргарита

Возле окон чьё-то тело.
Видишь: машет кирпичом?
Бойся, критик оголтелый!
То-то. Все вы ни при чём.

Небо

Мне бы — в небо! Спрыгну с горки!
(Я заполз туда уже.)
Ты зачем, писатель Горький,
Так обидел нас, ужей?

Облако

Папа увидал корову,
Я — кровать и женщину.
Ну, увидел, что такого?
Получил затрещину.

Парашют

Каждый знает пару шуток
Про забытый парашют.
Не шутите с парашютом!
Очень, очень вас прошу.

Рыбы летучие

Без причины из пучины
Вылетают без оглядки.
Простофиля, дурачина,
Что, пустой твой невод гадкий?

Стюардесса

Подозвали стюардессу.
Просто так, для интересу:
Мол, упала с пива пробка...
У неё такая попка!

Тучи

(см. Облако)

Уши

Обещали мне Москву
И полёт воздушный.
Полетал. Теперь реву:
Уши мои, уши!

Фейерверк

Было жутко и красиво.
Я орал до хрипоты,
Папа чуть не пролил пиво,
Обомлев от красоты.

Химикаты

Я машу ему — куда там!
Я — никто, а он — пилот.
Прыснул ядохимикатом
И не взял меня в полёт.

Цеппелин

Мы достали пластилин
И слепили цеппелин.
Я скажу любой зануде:
Не взлетит — целее будет.

Чкалов

Я не летчик, и порою
Я завидую герою.
Впрочем, Чкалов бронзовый,
А я живой и розовый.

Шарик

Хочешь маленький прикол?
Сделай в шарике прокол —
И за несколько рублей
Столько воплей и соплей!

Щенок

Было страшно в самолёте.
Я залез под юбку к тёте,
А у дядиных у ног
Сделал лужу. Я — щенок.

Эльф

Эльф на краешке буфета
Жадно ел мою конфету.
За привычки тараканы
Он живёт теперь в стакане.

Юные чкаловцы

(см. Чкалов)

Я

Всё насочиняла я.
Рисовал Олейников.
Где встречали вы, друзья,
Ещё таких затейников?

фрагменты книги художника

Елена ПИКУНОВА

ВЧЕРА. СЕГОДНЯ. ЗАВТРА.

(за п и с н а я к н и ж к а)

п о с в я щ а е т с я Л ё к е

I. ВЧЕРА (ОН).

#Кто-то мне сказал, что он опечален, или это была цитата, не помню...

#Всё было так легко и непринуждённо, когда я сидел на краю пропасти и плевал на собственные ботинки. Они были где-то внизу, а моя душа витала над мозгами и соглашалась с тем, что давно пора нырнуть в это неизведанное, называемое бездной.

#Пролетела птица у моего балкона, я увидел хохолок, подумал: «Страус», но мне когда-то говорили, что страусы не летают... Но хохолок его...

#Я стал вчера непорядочным. Я ударил женщину, но она была непорядочной ещё до меня. Она меня ударила первая, а я лишь ответил своим презрением. Она, улыбаясь, прокляла мои руки.

#Шёл по улице и купил цветы, записку вложил «Я вас люблю», с маленькой буквы, так разбросанно, так непонятно, решил подарить первой красивой девушке, которая встретится сегодня, но никого не встретил и решил подождать до завтра. Категория «сегодня» превратилась во вчера, цветы завяли. Девушку не встретил. Записка желтеет. Никого не люблю.

#Что значит быть любимым? Извращение...

#Страдала в баре какая-то женщина, кричала, что свистит в ухе. Примета... Если свистит — другой должен угадать, в каком. Ей весь бар кричал: «в левом», а она, вырывая волосы, блажила: «в обоих»... И, очевидно, не спешила загадывать желание.

#Я вышел из бара и швырнул камень в никуда. Этим «никуда» оказалось окно соседнего дома. Свист. Треск. Я ушёл, просто ушёл. Мне всё равно.

#Да и я слеп. Моя душа, как динозавр, вымерла.

#Мой коллапс равен суициду (в подсознании: не болен ли я?)

#Она танцевала самбуна деревянном стуле и умопомрачительно отбивала в такт ледяной корки музыку древесного дождя.

#Я плюнул в лужу и попал в своё отражение. «Не плюй на себя», — раздалось эхом в мозгу. Я стёр слюну с подбородка и второй раз плюнул в лужу с моим отражением.

#Маленькие крупички моих мыслей (!), не теряйтесь за бездумием моих чувств.

#Вчера я убил свои взгляды.

#Был на концерте. Трепет. Только после такой музыки понимаешь силу счастья: ты любишь; и силу трагедии: ты не любим.

#Осколки счастья, как напев, неповторимы.

#Меня бросили. Зачем? За что? — Не спросил... Не сказали...

#Где граница между женщиной и мужчиной? Она лишь в одной букве — А. Сделал — сделалА, любил — любилА...

#Обличительные вещи человек говорит в двух случаях: если хочет уйти или умереть...

#Наконец-то я подошёл к границе своего взросления...

#В лексиконе сумасшедшего нет слова «могу», но есть слово «хочу». Я хочу быть сумасшедшим...

#Все формы причудливого: гротеск, фантазм, аллегория, гипербола — слились в моём сознании (не болен ли я?)

#Вчера я истребил свои чувства...

#Самая большая трагедия — неотвратимость наваждений...

#Обуглилась жизнь, застекленело сердце, потому что ты ушла.

#Я был, как больной пёс: мои глаза выглядели бездомными, уши — глухими, нос — потерянным, а всё существо хотело есть...

#Если горе человека измеряется слезами, то самое несчастное существо — мир, он плачет дождями..

#Мой образ мыслей — вечное вчера, её образ мыслей — вечное сегодня... Каким же будет наш образ мыслей?

#Мои друзья сказали, что я — страус. Я возразил: «У меня нет хохолка»...

#Вчера увидел девушку, сидящую за веретеном. Она убила во мне непостоянство.

#Какой-то зверь терзал меня! Изумительно! Это была муха.

#Шёл по улице. Споткнулся. Упал. Коленку больно ушиб. Какая-то взбалмошная девица сзади заржала. Я подумал: «Во дура!»

#Когда же будет исчерпана моя философия?

#Все мы дорожим чем-то заметным, а незаметное теряем, возмущаясь потом об этой потере так, будто она была незаменимой... Вот я ей и сказал: «Уходи, при жизни ты была милее»... Она ответила: «Я ещё жива». «Для себя», — отрезал я.

#Она для меня вчера умерла.

#Я встречу другую, которая не умрёт, но даст умереть мне.

#Ещё одно безумие — любовь...

#Точка, запятая, многоточие, восклицательный знак — не слишком ли много для одного предложения...!?

#Абстрактно рождается новый образ. «Ты кто?» — спросил... «Марионетка — вчера, кукла — сегодня, человек — завтра», — ответила. «Ну вот! А Дарвин говорил — из обезьяны». Разочарование в теории...

#Мой суицид параллелен коллапсу...

#Я праздную все знаменательные даты календаря.

#Я — Убожество... Божество по имени «У».

#Я убью себя вчера и посмотрю на похороны позавчера (не болен ли я?)

#Я умер спокойно, без душевных коликов и без осознания собственной вины. Просто ушёл.

#Любовь — есть жизнь.

#???????????????? — вот такое настроение...

#13,7,8,15 — от перестановки мест... сумма не меняется...

#Теория нравственной неполноценности примерно такова: мир плох потому, что он плох, люди гадкие потому, что мир плох, а люди гадкие потому, что мир плох, а он плох потому, что...

#Теория нравственной полноценности такова: всё хорошо, что хорошо кончается. Вот и кончим...

#Отсутствие всякой теории — тоже теория.

#Теория всегда есть отсутствие.

#Слова пусты, и на бумаге тесно.

#Вчера встретил Её... Она показала мне девушкой мечты... Чьей мечты — я ещё не определил...

#Эта мечта была моей.

#Я смог быть для неё безумием.

#Я купил новый пятновыводитель. Пальто перекрасил, пятно не вывел. Сделано в Ярославле. Хороший город...

#Она мне постирала пальто, вернула ему цвет, вывела пятно. Она мне вернула меня и подарила в виде пальто...

#Как мало мне надо! Она пришла с объёмным ломиком и взломала все замки моей души. За дверями её ждали многочисленные призы. Аплодисменты.

#Она кусалась и выглядела сумасшедшей...

#Я был пьян и ничего не помню...

#Она написала мне о своих чувствах. Я сплю с ними. Они под подушкой.

#Она мне подарила огромные семейные трусы с карманом посередине. «Зачем?» — спросил я. «Ключи класть», — ответила и мило улыбнулась. Этим она меня и покорила.

#Она из меня хочет сделать человека. Но я им родился!

#Вчера я был влюблён в собственную смерть...

#Улыбнись потере единственного и любимого — себя.

#Друзья мне сказали, что я козёл. Я возразил: «Я не рогат».

#Она узнала о том, что сказали мне друзья и пошутила: «Не рогат, значит будешь...» Плохая шутка.

#Вчера я потерял свои очки... Теперь я не отличу её лоб от её живота...

#Вчера она забежала ко мне и радостно сообщила, что я болен. Сунула мне в рот таблетку, уложила в кровать, закутала одеялом. Выписала рецепт, оставила его на столе и ушла.. Не появлялась три дня. Пришла и лягнула: «Врача не вызывали?»

#Облака — ассоциации — мысли... Чувовищная тактика ...

#Приснился сон: стреляли в мой рассудок..

#«Сколько стоят ваши мысли?», — «Они бесценны». — «Значит, я их беру».

#«Я люблю Вас, Ольга», — пел Ленский, напоминая чем-то неуповимым чужую плоть родственного духа.

#Я любим! Я любим! Какова реакция? Эпилепсия.

#Мой коитус равен суициду...

#Моя философия скоро будет исчерпана.

#Маленькие крупички моих мыслей (!), вы стали столь малы, что вас уже можно назвать ничтожными.

#Вчера я вынес решение: я буду жить с ней.

#Неведомое — есть вечное... Пусть этим неведомым будет любовь...

#А это любовь???

#Древние греки не застывали от обмороков чувств...

Мои мозги — маленький мирок, который ждёт своего ядерного взрыва. Вчера этот взрыв был.

#Я встретил её, она была приветливой, простой и выглядела влюблённой. Я спросил: «В кого?» Ответила: «В тебя»...

#Вчера я убил себя...

#Я сказал ей что-то вроде «люблю». Маленькое слово разрушительного характера...

II. СЕГОДНЯ (ОНА).

#Надо позвонить ему. Сказать, что больше с ним встречаться не буду. Он доставляет мне неудобства, притом у него всегда грязные ботинки.

#Сегодня я сходила к парикмахеру. Приобрела приличный вид.

#Мне он не понравился. Он чавкал за столом, но в остальном был очень мил.

#Сегодня на моих глазах сбили собаку. Ужас, но я осталась безучастной.

#Какая-то дряхлая старуха ругалась в троллейбусе, так и хотелось ударить её зонтиком. Я этого не сделала.

#11.25 — первая программа. Показ мод... Не забыть...

#Мне понравилось, запомнить бы...

#Я знаю, что стала равнодушной. Что из этого?? Если я стану другой, кто меня будет любить??

#Я сейчас нужна самой себе...

#Надо позвонить по телефону 273-13-21. Чей телефон — не помню, цифра нравится...

#Позвонила — обругали — весело...

#Зачем писать, если всё видишь?

#Видела новый клип Coolio, ну и дерьмо!

#Зачем же так приравнивать физиологию к чувственности?

#Когда я — «хочу», мне надо — «могу».

#Мир — это больничный рай.

#Сегодня надо сходить в поликлинику проверить глаза, потом выписать очки. Весь день буду шляться по оптикам в поисках оправы.

#Один глаз — 1,5, другой — 2,5... Оправу овальную, не хочу круглую...

#Самое прикольное — признаться самой себе в любви. Кого мы больше всего любим, даже если ненавидим? Себя! А серенады под окном почему не поём под вечер? Сегодня я себе спою. Пусть все думают, что я — сумасшедшая. Я буду петь и смеяться...

#Начался новый сериал по телевизору...

#Я не люблю драму, люблю комедию...

#По телевизору пел Армстронг. Ну и губы...

#Проходила мимо киоска Союзпечати. Поразил один журнал. Сошью себе такую кофточку, только журнал дорого стоит, а до полочки ещё целых две недели...

#Хочу полюбить!!!

#Верните мне моё спокойствие, какая-то я чумная.

#Сегодня я встретила Его. Невысокий хлюпик с расхлябанной душой. Весёлый, небритый, философ. Пальто со странным воротником и пятном на кармане. Он пользовался пятновыводителем. Бедный! Я предложила постирать ему пальто, он не отказался.

#Вернула ему пальто, даже не сказала «спасибо». Циник, эгоист.

#Исчез на 3 дня. Я скучала. Неужели он мне понравился?

#Вернулся, я написала ему письмо, чтобы больше не пропадал. Он засунул его за пазуху и сказал, что потерял ключи... Я ему подарила трусы для ключей, он был рад...

#Мне кажется, он хочет быть сумасшедшим или им казаться, не знаю...

#«ХА-ХА» — просто захотелось посмеяться.

#А он играет на трёх инструментах и очень редко улыбается.

#Сегодня он засмеялся, просто так, у него оказалась приятная улыбка и красивые бело-жёлтые зубы. Он курит, а жаль, надо отучить.

#Когда-нибудь я его соблазню. Сейчас рано.

#Вчера он был несуразен, сегодня — интересен, что же будет завтра?

#Вчера получила зарплату, куплю материал на кофточку. Сошью, получится красивая.

#Встретилась со старым знакомым. Спросил: «Ты всё ещё одна?» Ответила: «Вместе».

#Сегодня он мне подарил высохшие цветы. В них записка: «я вас люблю» — всё с маленькой буквы. Он пояснил: «Так долго я ждал тебя» и показал на цветы.

#Он романтик... Так долго смотрит на звёзды, хотя не видит ни одной... он близорук.

#Он недавно надул, обиделся на плохую шутку. Он поверил в то, что я ему наставлю рога. Глупенький такой, чудак.

#Ведь он был рождён женщиной!!

#Иногда задумываешься о чём-то более высоком, что может рождать... Головную боль.

#Злодейство и гений — вещи совместимые.

#Он меня обозвал дурой. Так и сказал, нежно и не обидно: «Ты у меня ещё дура, не умная».

#А на следующий день принёс книгу Гессе «Игра в бисер» и попросил прочесть.

#Основы и параллели — всё едино.

#Кто-то верит себе, а кто-то в себя, а я верю в него и ему.

#Теперь он такой милый. Он потерял свои очки. Теперь он смотрит на меня, как на среднерусскую возвышенность и никак не может определить структуру моего тела.

#Он водил меня на концерт. Слушали Баха и Шостаковича. Он был в восторге от второго, а я не понимаю этого. Всё-таки музыка — что-то чуждое для меня.

#Может, мне сшить себе блузку? Материал бы найти хороший в магазине на Скобе.

#Сегодня ходили на «Евгения Онегина». Смешно. Он потом что-то несуразное напел, типа ариозо Ленского. Поёт он плохо.

#Откуда он узнал, что я его люблю?

#С ним хочется себя сумасбродно вести.

#Я схожу с ума от его удивления. Хочется быть землетрясением, цунами, поражать его с каждым днём всё больше и больше. А сегодня я прилетела к нему домой и возомнила себя врачом. Он был просто ошарашен. Смотрел на меня своими широкими вымученными глазами, ничего не понял, но подчинился. Дурчак...

#Как он может никого не любить? Я заставляю его это делать.

#Он не умеет целоваться, но я знаю, что у него до меня были женщины, и не одна.

#Он считает, что общение с женщиной пагубно влияет на способность думать, творить, воссоздавать.

#Как он был прекрасен в постели! Но был ужасен после неё. Как горюх после ядерного взрыва. Сплошной разгром...

#Он признался мне в любви. Но так, мимоходом-нехотя, как будто прожевал. Рада ли я? Может быть...

III. ЗАВТРА (ВМЕСТЕ).

1. ОНА.

12.10.96.

#Мы с ним ходили на концерт в филармонию. По-моему, он пытается напичкать меня всем, что знает сам. Типично для мужчины.

#И всё равно я его не понимаю.

#Ощущение меня из меня не выходит. Он весь во мне. Где же быть моему «Я»?

13.10.96.

#Прочитала Гессе.
.....????????????

#Теория моего безрассудства — тоже теория... Всё в мире логично. Без логики не было бы хаоса.

#!!!!!!— вот такое настроение.

#Когда-нибудь он меня оценит.

14.10.96.

#Он, наверное, заболел. Я звонила ему, он был в плохом настроении, сказал, что температура. Приду к нему и останусь с ним. Навсегда? Может быть.....

#Надо купить аспирин, капли в нос и обезболивающее.

#Куплю ему пиво. Как-то однажды он сказал, что нужно уметь делать подарки и чутко слышать, что желает человек, которого ты любишь. Я ему сделаю подарок... ОН ведь обрадуется??? Он как ребёнок... Такой славный.

#Пришла к нему. Ну и разгром! Надо убраться, пока он там своё пиво хлещет.

#Надо будет купить еду, у него ничего нет, кроме сигарет и какой-то травы.

15.10.96.

#Всё время он о чём-то думает. А если и не думает, то говорит о чём-то далёком для меня, но близком для него. Надо это далёкое сделать близким.

#Хочу быть его мечтой.

16.10.96.

#Очнулся. Я его покормила. Он не понимает, что он болен, хотя говорит, что не надо его трогать и лечить.

#Человек живёт лишь тогда, когда он кому-нибудь нужен, а умирает от отсутствия надобности.

#Мне он нужен.

17.10.96.

#У него дома пахло апельсинами. А ещё так пахнет простудой.

#Делаю ему массаж каждый день. Ему приятно, но он ещё плох.

#Нужна ли ему моя любовь?

#Громко говорит радио, он его может спокойно слушать, значит, выздоравливает.

18.10.96.

#Если бы его не родили родители, я бы им этого не простила.

#Он сегодня проснулся, как солнышко, — горячий и с ясными глазами.

#Он долго будет жить. Ему есть что сказать.

19.10.96.

#Приснился сон: стреляли в мой рассудок.

#Некто меня мучает. Пусть этим «некто» будет моё чувство.

20.10.96.

#Когда же начнётся моя философия?

#Он уже встаёт, размышляет, разговаривает.

#Он очень умён, его всегда приятно слушать.

#От его разговоров даже у меня рождаются мысли.

#Я думаю либо о нём, либо для него.

#Какие мысли должны рождаться во влюблённой голове?

27.10.96

#Он меня обидел, просто сказал два слова. Мне больно, и я не вернусь.

Как будто весь свет разом погас.

#Это было моей гражданской панихидой.

#Моя философия мобилизовалась на борьбу с его мужской логикой.

#Эта война закончится моей капитуляцией.

#Хоть бы он съел что-нибудь, но если его не будет, не будет и меня.

28.10.96.

#Хотелось бы подчиниться его мягким суровым рукам, ощутить его улыбку в прикосновении.

#Мои мысли — никчёмный поток октябрьского ветра, обжигающий, безнадёжный и холодный.

#Я не смогу вернуться к нему, пока не позвонит.

29.10.96.

#Не умею быть одна. Горько и эпизодично.

#Пусть повторят мою судьбу в феериях!!

30.10.96.

#Он позвонил, но сразу вернуться я не смогу, нужно сходить ко врачу, кажется, у нас будет ребёнок.

1.11.96.

#Он заметил, что я беременна, но не показал, хотя заметно обрадовался.

#Был так мил, что облил себя какао.

#Я буду мыслить, рождать и рожать, и всё это я буду делать лишь для него.

#Мой рассудок потерян в его руках.

#???? — так начинается продолжение.

#!!!!!! — так оно заканчивается.

2. ОН.

12.10.96.

#Женщина не понимает музыки. Поэтому так мало композиторов — женщин.

13.10.96.

#Я никак не могу воссоздать свою идею Гармонии и Ясности, Туманность — воплощение меня.

#Мое рождение сопровождалось слезами, её — цветами. Теперь мой путь устелен, а её — залит.

#Я заболела. Купить аспирин.

14.10.96.

#Вылечить меня может только осознание собственного содействия реальности.

#Она переселилась ко мне, сказала: «Как вылечу— уйду». Это ли не любовь?

#Моя экономика терпит крах. Она ест мясо, я — вегетарианец, она пьёт кофе, я — чай. Сколько различий, но она мне нужна. Может, она вылечит меня без осознания этой реальности?

15.10.96.

#Не вылечит. Она много разговаривает.

#Разум регламентирует чувства, чувства разрушают разум. Гармония — в параллели чувства и разума.

20.10.96.

#Она меня вылечила. Мне понравилось болеть, столько заботы и нежности!

#Душа болит, значит психика страдает.

#Я воплощу себя в потоке самопознания.

#Когда воскреснет мой бред?

26.10.96.

#Замерзают листья, ветер растоптел, разгорячился и перестал напирать. Я заметил непогоду.

#А когда???

27.10.96.

#Обработку полифонией мои мозги не выдержали.

#Я её сегодня обидел. Она ушла и больше не вернётся. Так легко что-то сломать и нелегко что-то построить.

#Моё подражание ей — это всего лишь стремление нравиться.

#Мой интеллект и её совокупились, как два тела.

28.10.96.

#Вернётся... Куда же ей бежать?

#Если она не вернётся, подарю ей розы. Верну то хрупкое, что называется счастьем.

#Блажили две старухи у церкви, им нужна милость Господа, а не наша.

29.10.96.

#Какой-то нищий обнаружил у меня хамство.

30.10.96.

#Я ей звонил, она сказала, что вернётся послезавтра, я буду жить этим «послезавтра».

#Ей я об этом не сказал.

#Моя квартира наполнена её духами.

#Минута разлуки кажется вечностью.

#Мой коллапс равен этой минуте.

#А не хватит ли ломать в пространстве параллели?

31.10.96.

#Умру я «до» или «после»?

#Пусть!

#Нет, нет, нет, а может... Нет...

1.11.96.

#Странно, но кажется она пополнила... ОНА БЕРЕМЕННА? У меня будет ребёнок?

#???????? — так начинается продолжение.

#!!!!!!!!!!!! — так оно заканчивается.

ПЕРЕХОД.

История.

Меня здесь еще не было. Стояли два здания: а между ними не было стен. Между ними росли деревья и были асфальтовые дорожки. В зданиях работали два сторожа одновременно, но, то есть в каждом здании работал один сторож. Однако же, в одно здание сторож приходил в 6 вечера, а в другое - другой сторож в 9. С 6 до 9 в двух зданиях работал один сторож. Тогда здесь работала сторожем женщина, которая теперь работает воспитателем. Она мне все рассказала.

Воспоминания.

1.

Когда я здесь появился, я не был сторожем. Сторожем я стал потом. А тогда я пришел в гости к С. Бухалину - сторожу этого места. До него здесь работал еще его брат, мы все зовем его Бухалинский брат. Бухалинский брат ест кошек и был в армии. Когда я пришел сюда, С. Бухалин работал один на два здания через день, а его напарник был на 1/2 инвалид Володя. Потом в сентябре года С. Бухалин эмигрировал в Якутию, а я стал дежурить за него. Я взял имя, обычное для здешних сторожей - С. Потом заведующая заметила меня и записала в бумажки и мне стали давать зарплату. Это было в ноябре прошлого года.

2.

Когда я здесь появился, между зданиями стояли стены. Они были немного похожи на дом. Сверху стен было непонятно что, а сбоку стоял подъемный кран. Когда его украли и пришлось ставить новый подъемный кран, заведующая попросила его тоже сторожить как здания, а я их хорошо сторожу еще ни одного не уукрали.

Стоящие между зданий стены, их окна и заколоченные двери и подъемный кран назывались все вместе "ведется строительство перехода". Внутри стен вели двери, но на этих дверях висели замки, а ключей не было.

3.

Как-то со временем стали происходить перемены. На стенах появилась крыша, и стал приходиться в пять утра Рабочий и зажигать хитруююбочку с пудроном. То есть он ее зажигал, как будто печку топил, а зажигали ее дети по вечерам, и она поыхала, как пожар.

Еще однажды я заметил, что двери в переход открыты и я туда вошел. Я увидел, что изнутри переход менее похож на дом, чем снаружи. Судите сами: разве могут находиться внутри дома глубокие ямы, торчат ржавые трубы и течь горячая и холодная как фонтан вода? Таких домов даже в моей родной деревне нет, а уж на что дыря.

Рабочие жили тогда в синей будке - теперь ее нет. Тогда я в первый раз ел финики, но это к делу не относится.

4. Потом в переходе появился песок, не знаю, как. Рабочие стали попадаться мне на глаза чаще. А как-то их стало вое еще много - они делали очень долго всякие лестницы и стены в комнаты, которые называются кабинетами. То есть это все уже было, а рабочие все украшали лепниной, обоями и мрамором. Я тогда ходил весь измазанный побелкой, потому что она была везде. А еще вернулся С. Бухалин привез из Якутии человека и сторожа по имени Килчев и приставку к телевизору типа "Денди". Они сели и стали играть, будто они танки и стреляют. С. Бухалин сказал: "Мы сражались, как волки" сто раз и не стал больше работать сторожем, а стал рабагать на пароходе. А Килчев без "Денди" оказался хорошим человеком.

Действительность 1.

1.
Я думаю, что строительство перехода будет происходить вечно.

2.
Я помню, как в окно из перехода рабочие передавали кирпичи и устилали ими землю и закапывали ямы песком. Теперь вокруг зданий ровно и дорожки и кучи мусора под снегом до весны, сказала заведующая по телефону. И посажены чахлые елочки, которые, я думаю, сопрут к Новому году.

А Кynchев взяд обычное для сторожей имя С. и псевдоним Кузьмин и тоже стал работать вместо на $\frac{1}{2}$ инвалида Володи.

Я заметил, что теперь в переходе паркет и кладут красивые мраморные плиты на пол.

3.
Вот сидит сторож и его друзья в здании. Музыка слушают и все такое. А рабочие домой не идут - работают, вешают подвесные потолки. А сторож тоже работает. Вой как.

Действительность 2.

1.
Я лежу на подоконнике, и за окном летят и кружатся отдельные белые точки. Это снег. Но ему недолго жить, потому что весна.

2.
Я работаю здесь почти три года. У меня был напарник Володя, потом Кynchев-кузьмин (который теперь беспокоится, сколько килограммов в семи килограммах сарделек), потом месяц работал Максим Крjевич Печенкин, но ему не понравилось (потому что он ударился головой и ему даже наложили швы), потом Андрей Медведев, социолог недоделанный, а теперь работает. вообще идиот Гусев, который обливает водой кресло, которое я нашел, поджигает и ломает полки в туалетах, ругает меня перед начальством даже за то, чего не бывает.

А зарплата кynchе очень маленькая и премию не платят.

3.
Тепло как лето. Вчера - говорили мне - было 26 градусов тепла. А мрамур холодный. Ко мне подошла опойная бабушка и попросила дать ей железку, чтоб открыть бутылку. "Вот мы встретились с одной решили выпить бутылку" - сказала она.

Я не дал железку, не помог опойной бабушке. Я даже не знаю, хорошо это или плохо.

4.
В окне четыре окна. Два фонаря, полоска - освещенные крыши гаражей, отражающиеся люстры. На улице машины, автобусы и еще неясные шумы.

Подозрительные звуки.

5.
Лето. Жаркое время года, и в детский сад возвратились рабочие. Снова они разбросали повсюду грязную одежду, пахнущую "отвратительным навозом". Рабочие опять делают ремонт, заново красят стены, засыпают старой краской и штукатуркой дерн (который накопили студенты, а сторожа обязаны поливать водой, когда нет дождя),

5. Потом, не помню когда, сломали двери в переход и там появился бетонный пол и по переходу стали ходить. А в комнатах внутри перехода был деревянный пол весь кривой. И рабочих стало много и они стали сидеть в переходе и шить вно и к ним приходили женщины и уходили. А потом вокруг здания стало все вверх ногами и торчали трубы и кабель, а внутри перехода тоже стали делать трубы.

Ì " ÐÒÀÛ À " ÈÈÈ

ì òí òí äý ì ì ðàçààèèí àì èí ääà-ò ì æèáí äí äí òí äà,
 áñí ì ì èí äý ñ ñ ò ðóáí ì äáí èì ÿ — ì ì òí æá, ì ì ì çáó-àèí "ì ì ñéàà" —
 àèäèø ù æèò àéáé ñ ò, ì ì ù ì è æèéèñò ù ì è èéòàì è,
 ýò ì ò à ñàì ù á "ì ì ñéàè-è", ÷ò ì æá ñéó-èèí ñü ñ ì èì è?
 ì ì è óáèèè ì èèèèí ì ù ñóù áñò á, çáèáí ì äéàçù ò äáðááüáá,
 èð ì ðèáí çèèè, çàðóáéáí ì ù ò, èç èáñó, áù, á äáèááðá, è èàæáù é
 ì ì á ñí äáðø èò ù ðèò óàè ì àðýæáí èý ì, ðò áí é ì ðèí òáññù,
 ò áí àðü ì á çáì èá ò äàðàæáé è ì ì ì áè èáæáò ì ì è áù áðí ø áí ì ù á,
 ñ èáí ò ì -èàì è á áí èí ñàò, ñ áù ñí òø áé èí æáé, çáè, ì ù á ñéáèàò ù
 èàé ðù áúè èí ñò è, èàé èàì èèýðí ù á ñí ñóáù áí çáóòà, ì áðáèí ì àí ì ù á,
 ì èèí ì ó ì áí áí ù á — ì ì áí áí áí èá, èèè — è áñá ì òí òí äýò ñ ò óñéèù ì è
 äéàçàì è — ó ì èò ì ì áù á ì ðàçáí èèè áí áðááè,
 à ì, ðò áù á, èèè èñ-àçí óò ñ èèòà çáì èé, è ì áò ì àì äí ì èò ò áí áðü äáèà.
 Õ èüèí ì áø à æèçí ù, ì áèí ì èàý è ì òñò àý, ì ñò àì áò ñý ì àì,
 æéáóù èò ì ò ðèò óàèà è ðèò óàèò.

Перед вами документы
преступления человека:
мёртвые тела ёлок
обнаружены в Москве,
в р-не Орехово-Борисова,
на улицах
Мусы Джалиля,
Кустанайская,
Ореховый бульвар,
Ясеновой

14 и 15 января 2000 года.

Леонид Тишков,
проект ОСВЖ
(Общество Спасения Всех Живых)

ПОЙМА ВРЕМЕНИ

Нижний Новгород, январь 2000 — июнь 2000 — январь 2001

Ленд-арт фестиваль «Пойма времени» представляет собой ландшафтный выставочный проект, посвящённый рубежу тысячелетий. Художники работают с конкретным местом и существующими в нём артефактами — искусственно-созданными (рэди-мэйд) объектами и сооружениями. Фестиваль привлечёт интерес российских авторов к актуальному жанру ленд-арта, а совместная работа с художниками других стран, в частности с участниками лондонской группы Colosseum (Luna Nero), будет способствовать их включению в международный художественный дискурс.

Кроме чисто художественных, в проекте ставятся и социальные задачи. Фестиваль предоставляет зрителю возможность непривычного осмысления городского пейзажа и исторических объектов в нём, формируя, таким образом, неравнодушное и небанальное отношение к пространству собственного обитания.

Для проведения фестиваля выбрано правобережье реки Оки от Молиотовского моста до Ромодановского вокзала. Помимо разнообразных природных сред (река, береговая полоса, склоны откоса), здесь расположены искусственные объекты и сооружения, которые создавались с самого начала двадцатого века, сейчас же, как правило, не используются. Эта тема особенно важна для Нижнего Новгорода, образ которого с конца прошлого века связан с технологическими и инженерными экспериментами (достаточно вспомнить башню Шухова, разработки Нижегородской радиолоборатории, новаторские архитектурные решения в строительстве автогиганта, экспериментальное судостроение).

К наиболее интересным с точки зрения ленд-артиста объектам и конструкциям относятся береговые опоры моста, бывшая станция водоснабжения с вынесенной к береговой черте насосной башней, брошенные автомобильные кузова, коллекторы ливневой канализации, противооползневые сооружения, навигационные знаки, руины проходившей здесь в 1900-1950-х годах железной дороги.

Работая в «выработанной» среде, художники осуществляют её своеобразную рекультивацию, вновь вводя эти объекты в культуру, но уже в других, подчас парадоксальных коннотациях. При этом естественным образом возникает тема времени, уходящего столетия, рубежа тысячелетий, происходит обращение к образу города как техногенного и культурного полигона.

ЕВГЕНИЙ СТРЕЛКОВ. «ВОЗДУШНЫЕ КОРНИ РЕЙН-ОРАНЖА»

Проект осуществлён в ноябре 1999 в городе Дуйсбурге (Германия) в рамках будущего фестиваля «Пойма времени». Основой послужила оранжевого цвета 25-и метровая, сваренная из стальных листов скульптура Люца Фриша «Рейн-Оранж» в пойме рек Рейна и Рура. «Корни» выполнены из дерева, покрашены в оранжевый и белый цвета.

работа осуществлена при поддержке музея Лембрука (Дуйсбург), немецко-русского общества (Эссен), ГЦСИ (Нижегородский филиал) и с любезного согласия Люца Фриша.

простая история

В деревне стояла осень — был сентябрь. Весь деревенский народ копал картошку, и я всё время наткнулся на копающих людей, когда бродил с удочкой вдоль речки. Чтобы уединиться, я стал уходить подальше от деревни, в лес или на пруд. Там я мог быть спокоен, что моё безделие не отразится на сборе урожая и моральном облике сельчан.

Целыми днями я блуждал по осеннему лесу, часами сидел с удочкой, дразня карасей, и выветривал старые мысли. Время пролетало, не задевая меня...

В тот день, пустой и голодный, предвкушая скромные радости вечера, возвращался я в деревню. На сковородке уже шипела яичница с помидорами, когда в дом зашла соседка. Я хищно заглядывал в сковородку и нетерпеливо жевал хлеб.

Соседка скромно улыбнулась, а потом неожиданно требовательно и громко, словно я до этого полчаса уже отказывался, крикнула:

— Помог бы Юрке-то!

— А что такое? — слегка удивился я, нехотя отрываясь от сковороды.

— Под горой вон застрял на мотоцикле-то. Вытаскивать надо, сбегал бы.

Я с тоской посмотрел на плиту, укрыл потеплее сковородку и сунул в рот кусок хлеба.

Над деревянной горелкой осенний закат. Гроздятся на разной высоте облака, отражая и преломляя пурпурный и золотистый свет, создавали странный эффект — свет шёл со всех сторон; все предметы как бы обволакивались этим светом, становились таинственными, нереальными. Я поневоле замедлял шаги.

На фоне ярко освещённой низины пред горой чернела раскисшая после вчерашнего дождя и развороченная грузовиками дорога. В огромной чёрной луже утопал мотоцикл с коляской; неподалёку, на травке, стоял Юрик в ореоле света. Я понял, что в своих коротких сапогах я ему не помощник. Он тоже это понял и только вяло со мной поздоровался.

Какое-то время мы топтались у лужи, оглядываясь по сторонам. Ожидание наше оправдалось, с горы кто-то спускался. Теперь мы ждали, когда человек приблизится, и от нечего делать пытались определить его сапоги.

Нам повезло, этим человеком оказался молодой здоровый мужик из нашей деревни. Он возвращался с работы, и ведь как вовремя. Вдвоём с Юриком они выволокли мотоцикл на сухое место, где начинался подъём в гору.

Всё это заняло не так уж много времени, и закат всё так же горел над холмами. Я надеялся, что и яичница моя ещё не остыла, и собирался уже поспешить назад, в деревню, но тут заурчал мотоцикл и Юрка неожиданно предложил:

— Поехали, прокатимся. — И добавил: — Яблоки надо продать.

Отказаться я почему-то не смог и сел на заднее сиденье. Юрик включил передачу, мотоцикл тронулся и стал резко взбираться на гору. Я утешал себя тем, что соседняя деревня совсем рядом и обернёмся мы быстро.

В коляске лежал мешок с яблоками. Мешок был не завязан, несколько яблок вылетело из него, и я взял себе одно. Юрик крикнул не оборачиваясь:

— Ешь сколько хочешь!

Яблоко было холодное, вокруг тоже начинало свежить.

Когда выехали на трассу, Юрик зачем-то повернул направо.

— Куда едем? — спрашиваю.

— В Александрово.

В Александрово — это уже надолго, это мне совсем не светит.

— Я доеду, — уверенно заявляет Юрик и начинает притормаживать.

Я мог бы быстренько спрыгнуть с мотоцикла, добежать до своей деревни, совсем ещё недалеко, наконец-то поесть и расслабиться у горячего подтопка со стаканом горячего чая и сигаретой. Но вместо этого, несмотря на наползавшее чувство вечерней тоски и бездомности, я крикнул ему в ухо:

— Чёрт с тобой, поехали!

Трасса сползла к речке, по мосту перескочила через неё и стала подниматься по пологому склону большого холма. Чем выше мы поднимались, тем шире открывалась панорама родных просторов. Справа, внизу, за речкой, тихо таяла во мгле наша деревня, светясь двумя фонарями. Красота. А тишина какая, не считая мотоцикла. А ведь в эту сторону я и не ездил никогда.

Лучше бы и не ездил, как оказалось. Мотоцикл тряхнуло так, что на некоторое время я завис над родной панорамой и она расширилась ещё больше — до невозможного — и где-то далеко, на западе, замаячили красные звёзды на башнях.

Из-под колёс полетела грязь. Юрик сбавил скорость и начал лавировать среди дорожных валов. Если бы вы видели эту дорогу — можно было бы отломить от мотоцикла коляску, от неё — колеса и спокойно идти на вёслах.

Но Юрик настойчиво пытался преодолеть пространство с помощью колеса. Мотоцикл заносило и стаскивало в грязь, движок глох, коляска ложилась брюхом и увязала в чёрной жиже. Мы его вытаскивали, откатывали назад, толкали, заводили и начинали всё сначала. Впрочем, зачем я пытаюсь всё это описать, вы же видели это сотни раз в нашем кино про каких-нибудь комсомольцев-первопроходцев или про войну.

В какой-то момент и я почувствовал себя исполнителем очень важного задания, ради которого надо было преодолеть эту нелёгкую фронтную

дорогу. Неприятельская артиллерия наконец-то смолкла, но вот-вот могла налететь авиация. Мне было наплевать, что в сапогах хлюпала грязь, что куртка — в хлам, даже о еде я забыл — и не думал о будущем.

Коляску вдруг рвануло вперёд, а я растянулся на земле, в грязи. Раздался Юркин скрипучий смешок. Я приподнялся, чтобы запустить в него горстью грязи, и не поверил своим глазам. Он стоял около своего мотоцикла на новенькой чистой асфальтовой дороге, которая с правой стороны подходила к трассе и которая, как мне казалось, могла иметь только чудесное происхождение и вела, конечно же, в рай.

Сумерки ещё сочлились неверным вечерним светом, и он отражался в тонких, словно целлофан, лужах, разлитых на ровном асфальте. Тёмной запыленной птицей мы подлетали к Александру.

Дорога свернула вправо, и через минуту мы оказались на деревенской улице. В природе заметно похолодало, и после дорожной горячки я стал быстро остывать. Сколько я ни выжимал носки и ни тряс сапоги, в них всё равно хлюпало, куртка промокла, особенно рукава.

У Юрика забота была посущественней, и погоды он не замечал. От того, как выгорит это дело — продажа яблок, зависело не благосостояние Юрки, а состояние его души — это было понятно. Как было понятно, что гуляет он не первый день и средства все вышли.

Мы подтащили мешок к дому, Юрик вошёл в незапертую дверь, а я закурил и стал ждать. Через пару минут в сенях зажгётся свет, Юрик махнул мне, и я внёс яблоки.

Юрка решительно высыпал их на пол.

— Вот смотри, хозяйка, яблоки хорошие. Пробуй, пробуй, осенние яблоки, душистые.

— Да вижу, — вяло реагировала хозяйка. Она подняла одно и потёрла его фартуком. — Да ведь говорю, нет у меня ничего, одна только банка, может, деньгами возьмёшь?

Дело явно не клеилось, но Юрик не оставлял надежды.

— Ну ты что, хозяйка, таких яблок привезли тебе, а ты... Еле доехали к вам. У вас ведь ни одной яблони во всей деревне. Да ты ешь, ешь яблокото. Сладкое ведь, скажи: сладкое?

— Хорошее, — устало кивнула женщина, прожевав кусочек.

— Ну так это...тогда, а? — Юрик начал иссякать и растерянно уставился на меня. Я выразительно пожал плечами: глухое дело.

— Ладно, бог с тобой, хозяйка, тащи свою банку.

Женщина немного ожила и поспешила в дом.

— Тогда уж и закусить чего-нибудь захвати, — вдогонку ей крикнул Юрик.

Я одобрительно кивнул. Яблоки я больше есть не мог, после них становилось холодно, а голод не унимался.

Хозяйка принесла трёхлитровую банку с брагой свекольного цвета и два стакана. Вышел скучный мужик и принёс варёную картошку в плошке, хлеб и кусок селёдки в газете. Я открыл банку — она была холодная, из подпола, наверняка. Юрик подставил стаканы, я понюхал брагу — и налил.

Юрик из вежливости посмотрел на мужика.

— Не-не, я не буду, — отказался тот.

А я тем временем откусил кусок большой картошки и следом — хлеба. Юра подождал, пока я прожую. — Ну, будем, будем, — он радостно обвёл всех взглядом и стаканом, чокнулся со мной и быстро заглотил брагу.

Я выпил полстакана, заломил зубы, — тогда я вновь набросился на еду. Даже селёдка, которую я обычно терпеть не могу, показалась мне изысканной на вкус.

Юрик налил себе второй стакан и долил мой. Выпив, он начал калякать с хозяевами, почтительно стоявшими рядом и молча наблюдавшими за нами. (Мы сидели на полу, прислонившись к бревенчатой стене.) Юрку быстро развозило. Я удивился: бражка была слабенькая и кроме холода я ничего не почувствовал. Увлёкшись едой, беседу я игнорировал. Потом выпил залпом свой стакан, чтобы немного закосеть и хотя бы душевно согреться, но вместо этого затряслась нижняя челюсть.

Когда вышли на улицу, меня било крупной дрожью. Я забрал у Юрика банку с недопитой брагой (его уже штормило) и показал пальцем на дорогу: у нашего мотоцикла собралась группа молодых парней. Юрик сразу заторопился туда. Замотав банку мешком из-под яблок, я пошёл за ним.

— Мужики, мужики, это... того... как его... — пьяно затараторил Юрка, — ночевать негде, с посёлка мы, откуда ещё, у нас только яблоки-то, в посёлке, а назад-то нам никак, ночевать-то где — негде...

— Да у тебя вон штурман вроде трезвый ещё, доедете.

Я подошёл, поздоровался, поставил банку в коляску.

— Даже если б я и умел водить, — говорю, — назад бы не поехал, вы видели, какая там трасса? (Ой, мама родная, как они на меня посмотрели — мужик, а мотоцикл водить не умеет.)

— Ладно, — сказал самый высокий из них, — идите пока в клуб, вон туда, я сейчас вернусь.

В клубе деревни Александрово, счастье-то какое, было тепло, натоплено. Около телевизора — в клубе был телевизор! — возился молодой человек. На окнах занавески, экран на стене, кресла, как в кинотеатре. Я приободрился: здесь можно было жить или, по крайней мере, провести большую часть ночи.

Молодой человек добился своего, телевизор ожил и стал увещевать перестроечным голосом.

— Вечер добрый! — гаркнул Юрик. — Что сообщают хорошего?

— Мозги трахают, — не оборачиваясь ответил парень, что-то подстраивая.

Мы подошли ближе, заглядывая в экран. Парень слегка повернулся к нам, подал руку:

— Здорово, мужики, откуда?

Юрик всё объяснил, пользуясь в основном жестами.

— А-а, ну-ну, садитесь, смотрите пока, — он наконец отклеился от телевизора, и мы все уселись в кресла. — Меня Димкой зовут.

Мы тоже представились.

— Тащи, — подмигнул мне Юрка.

Только я было собрался идти, хлопнула дверь и вошёл тот высокий парень, что был у мотоцикла. Оказалось, что он завклубом, в клубе ночевать нельзя — недавно скоммуниздили магнитофон, — так что извините, мужики.

Я принёс брагу, завклуб достал стаканы из своего закуртка, Юрик разлил.

— Давайте, пока ещё кто не пришёл, — сказал тост завклуб.

Когда выпили, он спросил:

— А ты кто? — имея в виду меня.

— Художник, — говорю.

— О-о! А бабу голую можешь?

— А ты нет, что ли? — спрашиваю.

— Да нет — нарисовать.

— Могу, — отвечаю.

Он принёс из закуртка тетрадь в линейку. Я быстро линейно изобразил, что он хотел.

— Да, сразу видно — художник, — почесал затылок завклуб.

— А меня нарисуй, сможешь? Будет похоже — я вас на посёлок на тракторе отвезу, — неожиданно предложил Дима.

— Дело, дело говоришь, — обрадовался Юрик и тут же испугался. — А мотоцикл как же? Трактор с прицепом? Какой трактор?

— ...недавно шефы прислали нам «Кировец», отличный трактор, — донеслось из телевизора.

Все заржали, аж прослезились.

— Ну как, Лёх, нарисуешь?

— Жить захочешь, нарисуешь, — говорю, — давай садись, вот стул.

Я взялся за дело.

— Ну, а мы пока глотнём, — сказал Юрик, потеряв руки.

— Сначала художнику, — потребовал основательный Дима, — тебе-то достаточно уже, глаза вон слиплись совсем.

— Действительно, ну-ка, для вдохновения, — согласился я.

— Пожалуйста, пожалуйста, таким людям у нас во всякое время, — Юрик нарочито угодливо поднёс мне полный стакан. Я раскланялся и выпил.

Юрик с завклубом уселись у телика, неторопливо потягивая бражку.

— О, счас кино будет грузинское, — сказал завклуб, — у них смешное обычно.

— Диме-то налейте, — в свою очередь побеспокоился я.

— Ему нельзя, образ не тот пойдёт, — заявил Юрик.

Через пару минут рисунок был готов. Получилось вроде бы похоже. Я вручил его трактористу. Тот посмотрел на рисунок, резко встал с места.

— Во, видали, — обратился он к остальной компании, повернув к ним рисунок.

— Вылитый, вылитый! — заорал Юрка. Завклуб подбежал ко мне: «Теперь меня давай» — и уселся туда, где сидел Дима.

— Тогда ещё стаканчик прошу.

— Кончается уже, кончается, — заволновался Юра.

— Не жалею человеку, — сказал серьёзно Дима, рассматривая свой портрет.

Бражка наконец-то подействовала, растеклась теплом по всему телу. Я совершенно расслабился и с удовольствием рисовал. Завклуб слегка нервничал от непривычного занятия.

Началось кино, действительно грузинское. Про какой-то маленький чудной народец из Грузии, вроде наших пошехонцев. Всё они делали нелепо и смешно, но каким-то образом в конце концов всё складывалось и выходило не хуже, чем у других. Юрик с Димой катались со смеху. Завклуб косил на телевизор, и я побыстрее закончил рисовать.

— Похож, похож, спасибо! — и завклуб побежал к экрану.

Сейчас уже не помню, как назывался этот народец, жаль. А Юрик, не расслышав как следует, на свой лад обозвал их родимцами. «Ну, родимцы, ну, дают!» — приговаривал он и ржал до посинения.

В посёлок мы вернулись часа в три ночи на тракторе. Дима ночевал у меня.

Часов в семь он поднялся и разбудил меня. Я ничего не мог понять спросонья.

— Юрик вчера курева обещал, сходи.

Я еле разлепил глаза и стал одеваться. Сигареты вчера все вышли, и я сильно сомневался, что они есть у Юрика, но обещал спяну. Я добежал до его дома. Юрик вовсю храпел, и поднять его мне не удалось. Я вернулся к себе.

— Пошли, — говорю, — к моему брату, Юрик в отрубке.

Мой двоюродный брат курил на крыльце, когда мы подошли. Поздоровались, я попросил закурить. Брат полез в карман за пачкой.

— Трактор мой нигде не видели?

— Не, — понимающе ухмыльнулся Дима, — у нас своей.

— Пошли поищем, — предложил брат. И мы пошли покуривая.

Его «Беларусь» стоял на задах на дороге, почти около моего дома. Брат Толя осмотрел трактор.

— Солярка кончилась, — сказал он. Потом залез в кабинку

— О, мужики, брага! — и достал литровую банку.

— Это кстати, пошли к Лёхе, — обрадовался Дима.

— Ага, у меня там яичница есть, — говорю...

НИЖЕ НИЖНЕГО

опыт краеведения Поволжья*

*) фрагменты книги Э.Абубакирова, Е.Стрелкова и В.Филиппова по материалам плавания от Нижнего Новгорода до Саратова

ЗАПОВЕДНИК ТРАДИЦИЙ

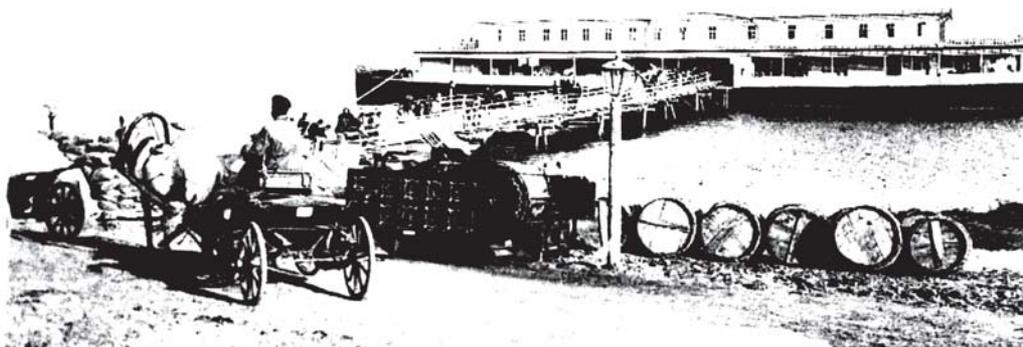
Небольшой поволжский город Ульяновск мил и гостеприимен и широко простирает руки свои навстречу гостям города.

Город ещё в древние времена неоднократно менял своё название. Дошедшее до нас имя историки связывают с легендарными братьями Лянами, державшими трактир у брода через Волгу. Старший Лян, «человек с Востока», как описывают его летописи, был фигурой недюжинной — кореец огромного роста, выбритый налысо, запросто справлялся с любыми попытками волжских ушкуйников разгромить его заведение, пользовавшееся дурной славой по всей Волге, от Астрахани до Великого Калинина. Вскоре само место, где стоял трактир, стали попросту называть «У Лянов», что позже трансформировалось в «Ульяновск». Семейные разногласия привели к тому, что младший Лян впоследствии основал новый брод, которого теперь можно было достигнуть, двигаясь не вдоль опасного берега, а *другим путём*. Опасным берег был вследствие набегов ушкуйников, которые представляли такую угрозу берегам Волги, что именно здесь появилась известная поговорка: «не зная броду, не суйся в воду». Вплоть до наведения добротных мостов через Волгу в Горьком, Казани и Волгограде всем путешественникам приходилось пользоваться бродом, известным как Лянинский путь.

Ульяновцы гордятся тем, что с городом связана судьба Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачёва, Федьки Золотое Кольцо и прочих значительных российских разбойников. Другой предмет для гордости — обилие дичи в здешних краях. В двадцатые годы декретом местного уроженца Вл.Ленина в окрестностях города был создан заповедник. Благодаря усилиям местных природоохранников дичь в нём плодится и размножается. Центром заповедника является знаменитый Утёс, воспетый в известной русской народной песне. Каждый год в память о Степане Разине на Утёсе проводится Разинский фестиваль популярной музыки «Поп-утёс», бессменным президентом которого является А.Б.Пугачёва.

Проводившееся неоднократно расширение заповедника привело к перепланировке Ульяновска. Именно тогда исчез с лица города древний ульяновский кремль. Сохранившиеся остатки этого грандиозного сооружения горожане называют «мемориалом».

ЛЕГЕНДА НА КОЛЁСАХ

Территория вокруг нынешней Самары искони была заселена финно-уйгурскими племенами, которые принесли на Русь свои самобытные обычаи, песни, неповторимый фольклор.

Особое место в финно-уйгурских быличках занимает *самара* — легендарная самодвигающаяся повозка, подобно ковру-самолёту или серому волку выручавшая героев в трудную минуту. У этой народной выдумки — реальная основа.

Изначально Самара была небольшим ремесленным поселением, расположенным на вершине самой высокой из Жигулёвских гор и снабжавшим хлебом все лежащие ниже по склонам деревни посредством самар — больших грузовых повозок или телег, которые катились вниз по склону по специально вырезанным в известняке глубоким желобам. Местность вокруг с её гористым рельефом, подпруженными почвами и крутыми склонами способствует самодвижению. Эту особенность всегда использовали местные земледельцы: объёмы перевозок зерна самарами в этом хлебном крае лишь незначительно уступали бурлацкому промыслу. Развитие гужевого транспорта в ранне-капиталистической России отодвинуло самобытный способ передвижения на второй план.

Вновь о самаре вспомнили в гражданскую войну. Знаменитые тачанки В. Чапаева — это всё те же самары, увы, опять забытые вскоре после героической победы. Историческая справедливость была восстановлена после постройки вблизи города Волжского автогиганта. Одной из моделей выпускаемых здесь автомобилей было присвоено имя «самара». Тогда же это имя вновь получил и сам город (в 1921—1978 носивший имя революционера И. Царицына). Испытания новых моделей автомобилей («самар») потребовали перепланировки города, при которой, к сожалению, исчез с лица города древний самарский кремль.

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК НАД ВОЛЖСКИМ ПРОСТОРОМ

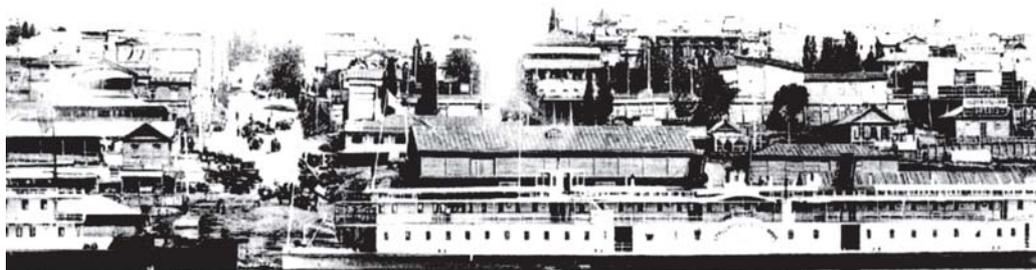
История города Чебоксары (от чувашского «шуп ашкар» — букет Чувашии) тесно связана с разработкой залежей биролита (пивного камня) в окрестностях города. Сохранившиеся на территории города неолитические поселения свидетельствуют о настолько широком использовании далёкими предками чувашей изделий из биролита, что в советские годы академик С.Н.Полупинцкий предлагал выделить чебоксарские поселения в отдельный исторический слой и назвать его «биролитическим чебоксарским» периодом.

Активная разработка залежей биролита началась еще в XIII веке, когда чебоксарский князь Василий повелел заложить биролитовые копи и начал возить пивной камень на продажу в соседние города: Сарат-Ырт (столицу Сарат-орды), Самару, Ульяновск (Улянов), Казань. Именно тогда в этих городах были заложены первые, ещё примитивные, заводы по переработке пивного камня. До сих пор на старейшем пивноперерабатывающем заводе Казани «Кызыл шерык» демонстрируют огромные переступные колеса, которые вращали до ста двадцати русских полонянок одновременно.

Богатейшие залежи биролита привлекали в Чебоксары множество искателей приключений и служили объектом самого пристального внимания московских князей, давно желавших забрать месторождения под свою руку. Период дележа как выходящих на поверхность жил пивного камня, так и шахтных выходов породы оставил о себе множество документальных свидетельств, от трогательных в своей простоте записей летописца («...бо аки крокодилы, звери хычные, за камень пивный брат на брата вставаша...») до народных песен и легенд (сказание об Игнате-крестьянском сыне). На многие вёрсты растягивались идущие во все концы Руси обозы самар, гружённые дроблёным пивным камнем.

В XIX веке наступает расцвет биролитного дела в Чебоксарах. На Всемирной выставке 1887 года в Париже огромные глыбы пивного камня украшают вход в российский павильон. После революции переработка биролита была поставлена на новые рельсы. В центре Чебоксар сооружается многоэтажный корпус биролитно-дробильной фабрики, доминирующий над городским пейзажем. Проектировали его известные архитекторы братья Веснины, и, по их идее, устремлённое в небо здание на фундаменте из глыб необработанного биролита должно было символизировать освобождение труда от оков частного капитала.

Вскоре после войны богатейшее месторождение пивного камня было обнаружено непосредственно под городом. Решением Совета Министров с целью разработки нового месторождения город был перенесён на новое место, в 20 км к югу от прежнего. К сожалению, перенос города повлёк за собой его существенную перепланировку. Именно тогда исчез с лица города древний чебоксарский кремль.

НА ДНЕ РЕФОРМ

Нижний Новгород возник как форпост на восточных рубежах московского княжества и сразу стал прибежищем бедного люда со всей Средней Волги, страдавшего от необдуманных реформ тамошних градоначальников. Именно тогда появилась присказка «ниже Нижнего», имевшая значение «хуже некуда». Прибывающие беженцы значительно осложняли психологический климат города, и в середине семнадцатого века в течение нескольких десятилетий Нижний назывался Горьким. «Ослица реформ» — так отозвался патриарх Никон о городе, нёсшем на своих плечах всю тяжесть экономических и религиозных авантур соседей. Патриарх вёл решительную борьбу с реформаторами, так что те были вынуждены укрываться в заволжских лесах. Понимая, что развитие торговли непременно приведёт к реформам, он перенёс нижегородскую ярмарку в небольшое село Макарьёво на Волге, где она благополучно закончила свои дни в результате поджога.

Вновь Нижний прославился в 1612 году, когда народное ополчение под предводительством Минина и Пожарского выступило против реформ, активно навязываемых международными финансовыми кругами.

Славные консервативные традиции нижегородцев проявлялись и позже.

Так, талантливый нижегородский изобретатель-самоучка Иван Кулибин предложил перевести речной флот с паровой тяги на бурлацкую и строить сухопутные дороги в соответствии с геометрией другого великого нижегородца — Николая Лобачевского. Именно тогда появилась поговорка: «в России две радости — бурлаки да дороги». Особое удовольствие нижегородцы получили от того, что новая Московско-Казанская железная дорога миновала город, а повышение грунтовых вод привело к затоплению нижней части города. По этому поводу писатель Максим Горький написал торжественную оду «На дне», где сравнивал Нижний с легендарным Китежем. Примерно в это же время в городской слободе Сормово набирало силу движение заломщиков (по имени рабочего лидера П.Заломова): они обещали «заламывать» устанавливаемые руководством фабрики новые механизмы, приводившие к росту производительности труда и, следовательно, к обнищанию населения. Возведение рабочими баррикад требовало большого количества стройматериалов — именно тогда был разобран на кирпич древний нижегородский кремль.

Заячья избушка

Стоял себе поставивал Казанский вокзал. Ну это только так говорится стоял, а на самом-то деле он скорее лежал, чем стоял, или даже валялся... Да, вот так: валялся подле железной дороги Казанский вокзал, а неподалёку жил-был зайчик. Ну это только так говорится жил-был, а на самом-то деле быть-то он, конечно, был, но жил, честно сказать, весьма хреново.

Но, кроме всего прочего, ещё вот как говорится: не бывает так хреново, чтобы не стало и того хуже. Так оно и случилось.

Однажды утром встал зайчик со своей кровати. Но это только так говорится, что встал, на самом-то деле он скорее сполз, чем встал. Да-а, сполз он, это самое, и, конечно, сразу зарядку сделал, зарядился, то есть. Хорошо зарядился, по полной. Ну и, конечно, веселей ему, зайчику, стало. Устроился он на подоконничке, сигаретку покуривает да пиво потягивает. Глядь, под окнами лисичка бездомная вертится. Справная такая лисичка, фигуристая. Увидела она уже порядком косога зайчика и говорит:

— Зайчик, зайчик, давай вместе жить, у меня вон и пива авоська есть, да и на портвейшко найдётся мелочишка!

Зайчик, конечно, не долго думая и согласился. Ну и, как это обычно бывает: туда-сюда, выпил стакашку, подписал бумажку, глядь, его уж и за дверь выставили.

Стоит зайчик в пивной, сопли в кружку пускает. Подходят к нему волки в серых шинелях:

— Ты чего, мол, зайчик, нюни распустил?

— Дык, обидно же, ёлы-метёлы, я к ней со всей душой, а она выгнала, блин, и даж на чекушку не дала.

— Ну, мол, не грусти, мы её мигом вразумим — ставь фуфырь, и дело в шляпе.

Пришли они, конечно, к лисичке. Смотрят — справная такая лисичка, фигуристая.

— Ты,— говорят,— зайчик за дверью постой, мы тут с глазу на глаз побеседуем.

Но это только так говорится — побеседуем. На самом-то деле не понятно, о чём это они там двое суток беседовали? Только ушли довольные, а зайчик так и остался и без квартирки и без фуфюра.

Сидит зайчик в рюмочной: горькую водку горькой слезой запивает. Подходит к нему бык-бугай люберецкий:

— Что за дела? Кто зайчика забидел? Кому пасть порвать? Ты, зайчик, только скажи, мы это в момент справим.

— Да вот, из своей же хаты, ёк-мотылёк. Волки, мол: Мы, а ей хоть бы хны!

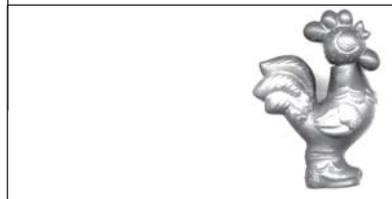
Взялся бугай за ящик жигулёвского подсобить. Да только лисичка, видать, ему кой-чего повкуснее предложила. А у зайчика опять ни житья, ни питья.

Делать нечего, пошёл зайчик с горя в Донские бани, авось, думает, тоска вместе с потом уйдёт. И встретил он там одного петуха. Понравился петуху зайчик:

— Не грусти,— говорит,— найдём мы и на лису управу.

Пришёл он к лисичке. Та, конечно, давай перед ним, по своему обыкновению, хвостом вертеть. Да не на такового напала: петя, он и сам на такие штучки горазд.

Короче, выгнал петушок лисичку и стали они вдвоём с зайчиком жить душа, как говорится, в душу.

Вагонок

Ехал паровоз — вагоны вёз. Машинист напился — один вагон свалился. Лежит себе, валяется — тут и сказка начинается.

Ползёт муха-выпивуха. Смотрит: хибарка валяется, и вроде как бесхозная. Дай, думает, денёк другой перекантуюсь. Благо и бухалово есть. Зашла, конечно, бухнула, да в уголочке и отрубилась.

Шкандыбает по дороге мошка-наркошка. Вот думает: «Чи глюк, чи и впрямь хаза? Ладно, зайдём, разберёмся».

— Что,— говорит,— за хаза такая? Кто в ней живёт и бухает?

А муха-выпивуха ничего не сказала, лишь промычала о чём-то нескладно.

Стало их двое: муха бухает, мошка ширяет, живут и горя не знают. Идёт-бредёт мышка-забудыжка. Видит: флэт. Приличный вполне, с окошками:

— Можно ли,— спрашивает,— задницу прислонить?

Мухе с мошкой такие вопросы, знамо дело, до фени, живи, блин, веселее будет.

Стало их трое: муха с мышкой бухают, мошка ширяет, поди им плохо? Шлёндает по дорожке лягушка-потаскушка. Видит: хата. И люди там ничего, не буйные.

— Мне бы,— говорит,— у вас бы отдохнуть зачуток?

А им-то что: хоть у них, хоть под них, это завсегда с нашим удовольствием.

Стало их четверо: набухаются, наширяются и вповалку валяются.

Тащится откуда-то зайчик-за-галстук-вливайчик. Глядит: домушка. А в ней — ну просто полный оттяг.

— Нельзя ли и мне оттянуться?

— Валяй, ежели со своим бухлом пришёл.

Стало их пятеро: сидят — кайфуют по полной.

Ковыляет к ним на четырёх мослах лисичка-алкоголичка. Видать уж, слух о вагончике-притончике по всей округе пошёл.

— Реята,— крик,— налейте и мне, а то окочурюсь.

Ну как тут прогнать? Со всеми бывает.

Стало их шестеро: в тесноте, как говорится, зато бухие.

Идёт кабан-токсикоман с мешком дихлофоса.

— Пустите,— мол,— я вам не помешаю.

— Да хоть всю жизнь живи, если хороший человек.

Стало их семеро: в вагончике вонь, грязь, зато на душе светло и радостно.

Тут скатился из туманного сознания ёж-с-иглой-не-разольёшь. Он и спрашивать ни о чём не стал: сел в уголку — кайф ловит.

Стало их восемь: шум, гам, тара-ра-рам, изрядно получается.

Шагает волчок-забью-косячок, мыслете выписывает.

— Здеся, что ли, хорошо-то?

— Всяко,— отвечают,— сам прикидывай.

Стало их девять: абзац, как говорится, да и только.

Но тут откуда ни возьмись появился мусор-медведь. Всех повязал. Вагончик опечатал. Так вот лафа и кончилась.

Репка

Поставил дед брагу на репе. Настоялась репка крепкая-прекрепкая. Стал дед репку тянуть.

Тянет-потянет в своё, как говорится, удовольствие. Пронюхала про это бабка и набивается к старику в помощницы. Деду что, он добрый, угостил свою ненаглядную. Вот тянут репку вдвоём. Тянут и жизни радуются. Прознала об этом внучка, да и в гости с друзьями, с Муркой, да Жоркой, нагрязнула. Тянут репку все вместе, за здоровье за дедкино чокаются.

Деда от трудов этих праведных даже стошнило немножко, да и бабку от усердия вырвало, а внучка, та вообще всю комнату заблевала, и друзья её, как говорится, в Ригу уехали. Тут как раз и пришёл ихний сосед алкоголик Мишка. Он-то, подлец, тут же всю репку и вытянул, хлебной корочкой занюхал, икнул, да и был таков.

Сергей СЫРОВ

СКАЗКА ПРО ДРАКОНА И ГЕРОЕВ

В одном царстве, в одном государстве с монархическим управлением завёлся, откуда только взялся, злобный, вредоносный дракон. Поселился он недалеко от королевского замка и требовал всяких удобств и подношений.

Когда такая беда — деваться некуда, надо дракона ублажать. Давали ему что ни попросит: еду разную, деликатесы-разносолы, вино самое лучшее, выдержанное, дорогие стройматериалы, мебель, девок беспутных, бесстыжих для удовольствий. Легли драконовские поборы тяжким бременем на неустойчивую экономику небольшого государства.

Бродячие рыцари, герои по найму, останавливающиеся в королевском замке, спрашивали у короля, каков дракон. Велик ли? Страшен? Старый король отвечал как есть, правду: «Невелик. Не больше кошки. А шкура из чистого золота».

Рыцари шли один за другим убивать чудовище: кто хотел в качестве трофея шкуру золотую, кто — королевскую дочку в жёны. Правда, никто не возвращался. Никто не сумел дракона победить.

Однажды был проездом в этом царстве, в этом государстве особенный герой. Богатырь, каких поискать, как водится, дурак, бессребреник и нестяжатель по имени Ванюша. Ванюша пожил некоторое время в гостях у королевской семьи, и все увидели, что он — исключительный рыцарь и джентельмен. Народ стал просить героя помочь в трудную минуту, которая продолжалась не один десяток лет. Пожалел богатырь несчастное царство, пренесчастное государство и его замученных жителей и решил всё-таки освободить бедолаг от напасти, пусть даже ценой собственной молодой жизни.

И вышел. Молодой! Красивый! Двадцатидвухлетний! за ворота замка. И пошёл, дурак...

Меч у героя был старый, кольчуга рваная, штаны зашитые, перештопанные, сумка и голова пустые. А в пути встретил Ваня старушку, которая пьяная лежала на обочине, и все путники плевали на неё, потому что она ругалась плохими словами. Но герой и богатырь пожалел пьянчужку: она ему маму напомнила, детство. Довёл бабушку до её дома, втащил в двери, а та — вдруг трезвая как стекло — говорит: «Я колдунья, Ваня. Спасибо тебе за сильную помощь, возьми за это в подарок волшебную рубашку-непробивашку!» Сказал Ваня спасибо опойной бабушке и дальше пошёл.

По дороге встретил Ваня старика, который рубил на дрова, выбиваясь из сил, священный дуб. Помог Ванюша срубить дерево, отвезти брёвна в деревню и красиво уложить на заднем дворе. Старик стал предлагать за помощь поллитровку — какой странствующий рыцарь откажется от такой оплаты? А Ваня — дурак, бессребреник, трезвая душа — отказался! Нет, говорит, спасибо. Я так пойду. Старик вроде и не удивился этому. «Герой ты, Ваня! — говорит. — Вот тебе иногое свойства подарок: волшебная палица-убивалица. Я ей, бывало, не только драконов и татар, но и жену поколачивал, а теперь стар стал, нет сил в руках удержат!».

И пошёл Ванюша дальше, к логову заклятого народного врага — дракона. Пришёл. Посидел-покурил. На косточки геройские, птицами поклёванные, ветром выбеленные, полюбовался. Тем временем появился и дракон, совершавший вечерний моцион, увидел нового врага. Поговорили они, но полюбовно не разошлись, ведь слишком разная у человека и животного жизненная позиция.

Стали биться.

Дракон огонь мечет, но волшебная рубаха не горит, не плавится, жар не пропускает, рыцаря оберегает. Ваня палицей машет, всё вокруг уж в колдобинах, а по змеюке подлой попасть не может. Оттого, что исходят из горла драконьего ядовитые едкие спиртуозные пары.

И закончилось дело победой дракона. Отделал он-таки героя сильно-пресильно. Другой бы умер, а Ваня нет, не умер. Очнулся голый, в каком-то овраге. Никого вокруг нет. Хорошо, что лето. Двадцать восемь переломов. Но дополз до людей, питаясь ягодами и ёжиками. Потом два месяца реанимация, интенсивная терапия. Четыре года в кресле-коляске, два года с костылями, год с тростью ходил.

Но потом почти поправил здоровье. Получил орден за мужество. Женился, наплодил кучу здоровых, крепких, симпатичных детей.

11 апреля 1997

Елена СОБОЛЕВА

ДУРЫ ПОНЕТАЕВСКИЕ

из дневника студентки

29.06.83

Тугие, наливные мухи — вот кто первым встретил нас на шатковской земле. Они жадно топчутся на привокзальных бутербродах и вяло огрызаются.

К вечеру нашу группу повели в гостиницу. Комендант обрадовался мне, как родной: он меня только что видел по телевизору, я в ансамбле «Верасы» пела что-то про снижение рождаемости. И очки на мне те же — он по ним меня и

опознал. Когда первая радость узнавания поухля, выяснилось, что ночевать он нас с Вероникой не пустит, потому что паспорта мы забыли в Горьком. «А очки, — кричала я, — очки-то на мне!» Не помогло.

К счастью, на улице Вокзальной у меня живёт тётка. Она обрадовалась мне меньше, чем комендант, но на ночлег пустила и даже дала молока.

30.06.83

Утром мы опоздали к раздаче деревень, поэтому нам досталась невостребованная Понетаевка. В Понетаевке — дурдом областного значения.

И вот мы — *как дуры!* — трясемься в шатком автобусе на встречу с живительной фольклорной струей. А вокруг бушует первозданная стихия народной речи. «Пиши давай! — нервничает Вероника. — Всё вокруг такое живое и могучее...»

Я едва успеваю записывать:

Цё ты растакарился, пьянюшка? — Отчего ты, пьяница, занял большую часть сидения?

А ты цё, ё...а мышь? — А ты отчего?

Ни х... грибов нет в лесу. — В лесу нет ни одного гриба.

Ну и пусть — мы едем не за грибами...

Понетаевка оказалась довольно большим селом. Сквозь ущербный деревянный заборчик бывшего монастыря мелькали пёстрые халаты и белые платочки — в дурдоме доминировал женский состав. Такие же халаты мы только что встретили возле пруда: трое загорали на пригорке, а двое сосредоточенно ловили рыбу (видимо, за хорошее поведение выдают удочки). Теперь в каждом встреченном понетаевце мерещится обитатель монастыря, и мы прежде, чем заговорить, пылливо вглядываемся в прохожих.

В результате долго плутали.

Местная учительница — певец родного края, поэтому часто ходит с понетаевскими школьниками по оврагам, и как-то они нашли зуб древнего мордовского носорога и культовую головку лошади из мела. Но всё хорошее быстро заканчивается: головка пропала, а зуб искрошился. Мы взяли адреса и явки потенциальных носителей фольклора и засобирались обратно.

По дороге в Шатки сломался автобус, а за ним обломилась и столовая. Догадливая тётка при виде наших искажённых голодом лиц предложила поужинать. «Спасибо, мы не хотим», — машинально сказала я по городской привычке. «Ты ш-што, с-с ума с-сош-шла?» — злобно прошипела Вероника и прельбно ткнула меня в бок. Тогда я попросила чаю, а к нему нам дали сахар! хлеб! масло! — и даже целый лимон!

01.07.83

Баба Аня живёт на самом краю Понетаевки — в так называемой Бурдышке. Глазки у неё под цвет

носика — красненькие, а судьба сиротская. «Шастья нет нисколько», — так верно она это сказала, так правильно. Мы хотим поселиться у неё на время фольклорной практики: записывать протяжные песни, помогать возделывать огород — в общем, скрашивать её безрадостный сельский досуг. «Да цё не взять на постой? Возьму. Мне ни цё не надо, ни цё... Рази за постель. Мордва-то здесь ницево за так не делает. А мне цё — живите. Рази за свет ещэ...»

Ближе к вечеру Понетаевке стало не до песен — близилась вечерняя дойка. Мы забрали в сельсовете свои пожитки и зашагали к Бурдышке.

Баба Аня нас уже ждала. Она постелила свою постельку прямо у порога и жалобно бегала глазками. «Да ить как мне вас жаль, девцонки, так жаль, — да вот хвораю я. Да гости ко мне приезжают», — бабка быстро помахала какой-то бумажкой и шумно заохала.

Пришлось опять стучаться к председателю. Он долго перебирал в памяти всех провинившихся колхозников, а потом повёл нас к тёте Соне.

«Был у меня такой постоялец, — мрачно сказала хозяйка. — Вхожу я однажды, а он в фикус ссыт». «А мы не *такие!*.. А мы не будем в фикус!» — перебивая друг друга, заторопились мы.

Ночью долго не могли уснуть — тётя Соня всё возилась за стенкой, перепрыгивая наиболее ценные в пищевом отношении продукты и прилаживая к банкам с вареньем тугие крышки.

02.07.83

Ближайшее к Понетаевке село Кардавилль. Я произношу это слово на французский манер, хотя вместо французов навстречу попадается исключительно мордва.

Баба Нюра известна в Кардавиле под кличкой Бандук. Ей 81 год, и она похожа на Плюшкина из учебника для 8 класса. На голове у неё вместо волос какие-то пёрышки, а на лавочке в избе — густой слой куриного помёта. От запаха помёта меня мутит, и нужную клавишу магнитофона я нахожу наощупь.

В Понетаевку возвращались на попутном грузовике. «Замужем?» — с придыханием спросил шофёр у Вероники и придвинулся к ней плотнее, чуть не размазав меня по дверце. «Ещё как замужем!» — испугалась Вероника. «Беременные мы», — неожиданно для себя жалобно пискнула я. «С икрой значит», — разочарованно резюмировал шофёр и сосредоточился на дороге.

03.07.83

Сегодня проходили мимо Дома инвалидов — этим эвфемизмом в Понетаевке называют дурдом. Наш пакет с пряниками вызвал лёгкий переполох среди мирно гуляющих обитателей. «Дай пряничка!» — бесхитростно попросила молодая инвалидка и потянулась к пакету. Её легко отодвинула вторая — седая и величественная. «Я — дочь Солнца, — пояснила она своё право на пряник и доверительно добавила: — Все великие композиторы — стеклянные люди...»

Вечером с тем, что осталось от пряников, пьём чай. Тётя Соня за эти дни успела убедиться, что её фикусу ничего не грозит, и заметно подобрела. По радио уже и гимн сыграли, а она всё никак не уgomонится: поверяет нам свой очередной сон. «Снится мне, будто у меня пьянка в дому. Я думаю: возьму палку, стукну в окно — оне напугаются и убегут. Гляжу, а у меня в углу из лампадки зелёное воланами выливается. И вижу я три огненные слова: *готовьте суду кающего*».

По-моему, тётя Соня тоже немного дочь Солнца.

04.07.83

Бандук совсем плох. Во время пения булькает, хрипит и гулко сморкается. А если это её лебединая песня?

Из Кардавила поехали в Шатки: Бандук пожаловалась, что давно не ела помидоров. «Вот приедем, — говорю, — а она уже преставилась. Тогда мы эти помидоры ей в гроб положим». «Нет, две съедим», — не соглашается Вероника.

Четыре помидора на два рубля.

05.07.83

На седьмой день мы запели. В то, что мы из Горького, здесь уже никто не верит: Понетаевка как-то сразу приняла нас за своих.

В Кардавиле, напротив, с нами перестали здороваться. Обиделись, что мы не принесли бутылку, под залог которой, оказывается, и собирались вокруг нас местные носители фольклора. Мы покормили Бандук и понуро поплелись в Понетаевку — сквозь придорожную пыль и назойливую аллитерацию.

Кардавил не шёл из головы, и мы направились в сельсовет. «Ящик вас устроит?» — сразу поймал суть председатель. Сговорились на трёх бутылках по статье расхода «На культурно-массовую работу».

06.07.83

По Кардавилю шли с призывным звоном. Вскоре к приютившей нас избе стали подтягиваться желающие принять участие в вечерней спевке.

«За то, чтоб песня спелась!» — торжественно сказал хозяин и первым поднял стакан.

Возвращались мы далеко за полночь. Нас провожали, как родных, — долго рассовывали по карманам пирожки с луком и хором разучивали наши горьковские адреса.

И ещё долго над пустынной трассой дрожала в прохладном воздухе песня.

Она дрожала всю ночь, — а утром, в похмельном ознобе, осела росой на придорожные кусты.

P.S.

За фольклорную практику мы получили пятёрки.

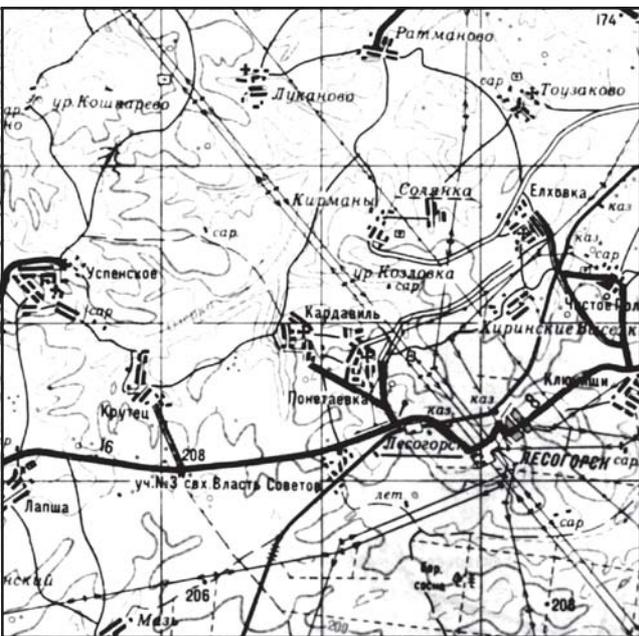
Когда я, разбираясь в столе, натываюсь на пожелтевшую кассету, старая плёнка оставляет на моих пальцах коричневую пыль. Что на ней записано — я уже не помню.

Через семь лет после описанных событий у меня родилась дочка. И вот что интересно: она постоянно поёт и у неё пронзительный, до боли знакомый голос.

Наши голоса красиво сочетаются, и я иногда ей подпеваю.

«Ну, заголосили... Дуры понетаевские!» — в сердцах говорит муж и обречённо надевает наушники.

1983 — 1999

К вопросу о компьютерном моделировании в теории дирижаблей

Теория дирижаблей, при всей своей внешней простоте, настолько сложна при ближайшем рассмотрении, что до сих пор с трудом поддавалась компьютерному моделированию.

Благодаря компании «Сенди» мы смогли начать построение компьютерных моделей — от простейших, едва отрывавшихся от земли («Дирижабль 5»), через ряд более или менее удачных попыток («Дирижабль 6» и «Дирижабль 7»), до вполне работоспособного варианта («Дирижабль 8»), готового к полноценному плаванию по просторам Сети.

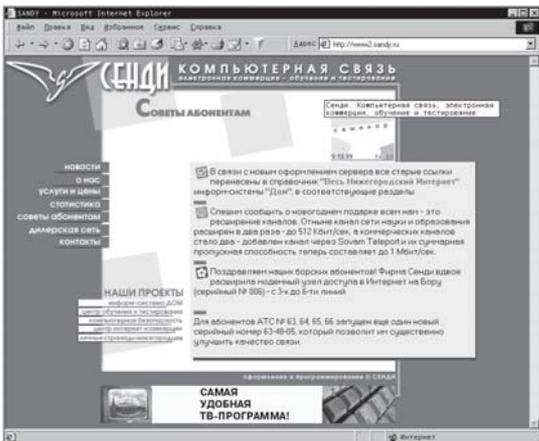
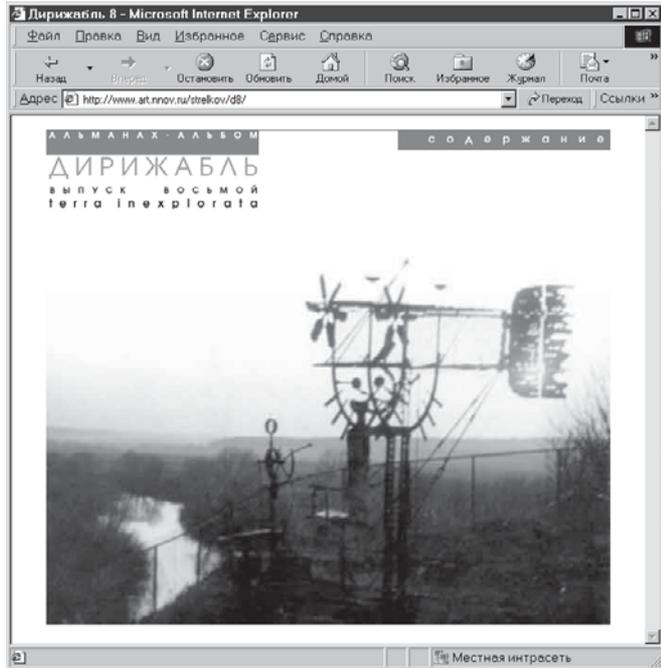
Вывод дирижабля в Сеть сквозь относительную плоскость экрана (здесь мы опускаем технические подробности), подобен падению Алисы в Страну Чудес — нет, не в Зазеркалье, чуждую, непонятную, во многом враждебную среду, но в среду, становящуюся *curiouser and curiouser* — и тем более интересную.

Стеклянная плёнка, разделяющая два мира, становится тоньше и тоньше, дирижабль мягко проминает её, и мы с интересом ожидаем появления виртуального (реального?) двойника с той стороны и взаимопроникновению двух существей, являющихся отражениями друг друга.

Результатом такого взаимопроникновения должен стать «Дирижабль 9» — модель, равно способная передвигаться в средах реальных и виртуальных, естественных и моделированных, какой бы из них ни была наша с вами нынешняя среда обитания.

Построение такого дирижабля — задача непростая; ещё более сложной задачей будет одновременное сооружение его двойника в Сети. Однако руководимые, как Алиса птицей Додо, мудрой птицей Сенди, мы рассчитываем на успех этого предприятия.

редакция

WEB-дизайн-2000

второй конкурс нижегородских web-дизайнеров, апрель 2000

н о м и н а ц и и :

- корпоративный сайт
- специализированный информационный сайт
- личная страница
- баннерная реклама

подробная информация на сайте организатора: www.sandy.ru

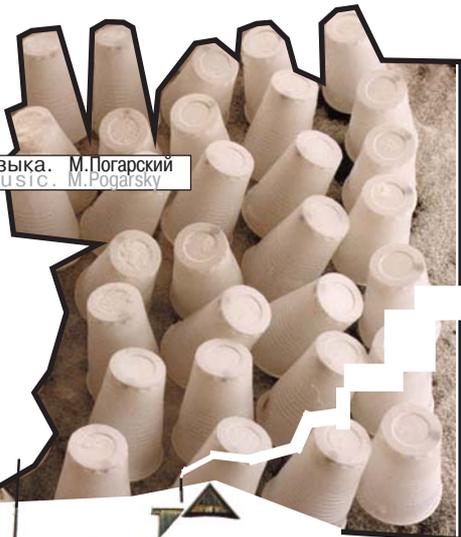
посвященный рубежу тысячелетий арт-фестиваль «Пойма времени» начался 1 мая 1998 года на берегу реки Протва в деревне Дракино под Москвой

the «Flood Plain of Time» Land Art Festival initiated to commemorate the Millenium started on May 1, 1998, on the shore of Protva, in the village of Drakino, near Moscow. In Summer 2000 the next stage of the Festival will take place in Nizhny Novgorod. The Festival will end in January 2001

Очередной этап фестиваля пройдёт в июне 2000 года в Нижнем Новгороде. Фестиваль завершится в январе 2001

ветер
wind

Белая музыка. М.Погарский
white music. M.Pogarsky

land-art
in village of
Cheremas
near
Nizhny Novgorod
30-31/XII-
99

лэнд-арт в деревне Черемас

церемония-2. А.Суздальев, О.Хан
ceremony-2. A.Suzdalev,
O.Khan

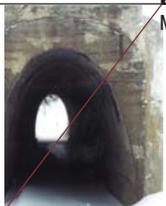
Важен не проект, а процесс, ситуация; лишь ситуация может быть чревата событием...
Not the project itself is important, but the process or situation. Only a Situation can give birth to an Event...

снеговая страда. Евгений Стрелков
snow harvest. Evgeniy strekov

церемония-1. А.Суздальев, О.Хан
ceremony-1. A.Suzdalev,
O.Khan

выигрыши
M.Погарский
M.Pogarsky

световой барьер (Е.Стрелков) **притяжение огня** (М.Погарский) **в свете шагов** (А.Суздаев)
 the light barrier (E.Strelkov) **fire attraction** (M.Pogarsky) **in broad step light** (A.Suzdalev)

Глобальные категории места-времени здесь принимают форму отношений местности-временности. Временности как принципиальной не вечности произведения искусства (когда оно развивается во времени единственным образом – исчезая). И местности как основы бытия этого произведения.

Выбор местности не случаен: именно здесь, с проведением в 1900 году вдоль Оки нижегородского участка Московско-Казанской железной дороги, началась современность города. И продолжилась позже: в фермах моста, башнях элеваторов, котлах тепловой станции.

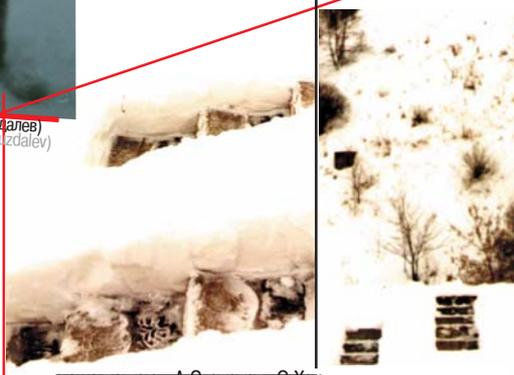
Ныне всё здесь заброшено и забыто.

Приход художников "рекультивирует" эту территорию, предлагая городу новую, заметную отличную от прежней, форму её бытования.

The global categories of Time and Space shape themselves here into interrelationship of Impermanent and the Local: the former interpreted as basic perishability of the work of art (erosion and obliteration are the only ways, in which it can evolve with time), and the latter, as the basis for the very existence of this object.

The locale for the second stage of the Festival was not chosen at random: the city began to live its modern life here, when in 1900 the Nizhny Novgorod branchline of the railway from Moscow to Kazan was built. Modernity went then further into trusses of the bridge, towers of elevators, boilers of thermal plants. Now everything here is disused, desolate and deserted.

Coming of artists "recultivates" this territory and moulds this medium into a new shape, which is visibly different from the former one.

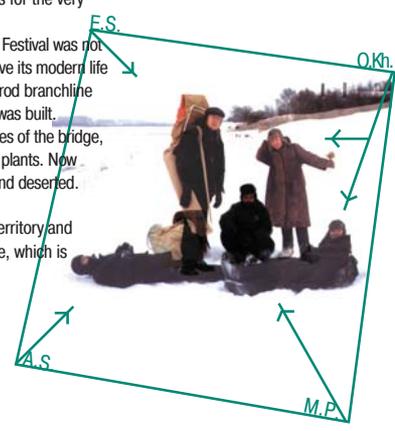

эскалатор А.Суздаев, О.Хан
 escalator A.Suzdalev, O.Khan

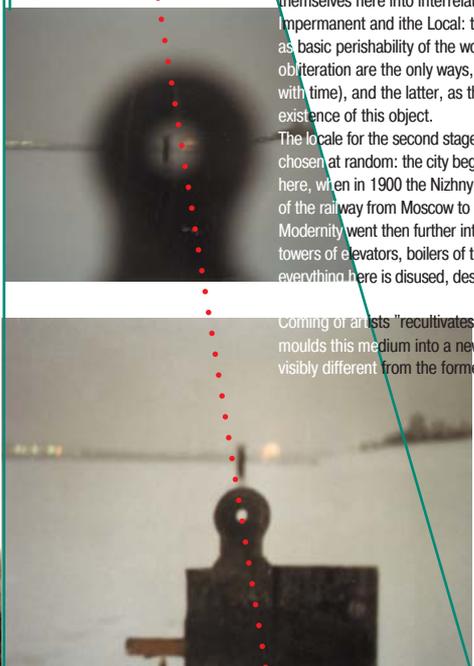

обрамление пространства
 framework of the space

Михаил Погарский, Андрей Суздаев
 Michail Pogarsky, Andrey Suzdalev

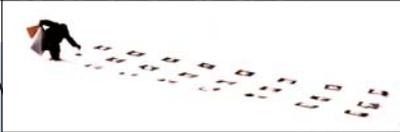
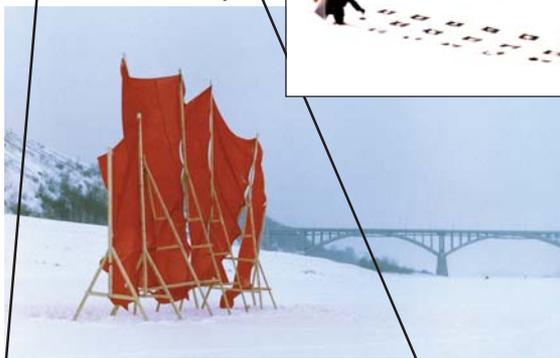
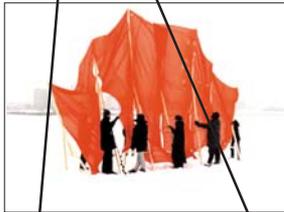
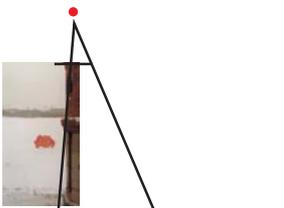

Корни без иронии привнес в техногенный объект органику, художник introduces organic matter into a technogenic object and thus reminds us of the initial function of the dead water pipes
 air roots

Николай Олейников Nikolay Oleinikov **призрачный направляющий** a phantom navigator

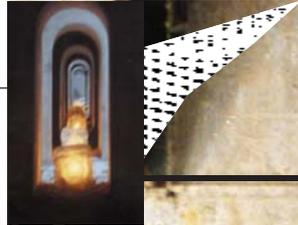
Евгений Стрелков Eugene Strelkov

Приношение. А. Суздаев, О. Хан
the Offering. A.Suzdalev, O.Khan

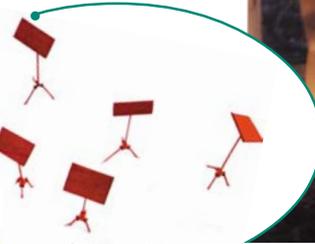
мосты. Михаил Погарский
bridges. Michail Pogarsky

Церемония-3
А. Суздаев, О. Хан
ceremony-3
A.Suzdalev, O.Khan

художники: artists:
 Михаил Погарский Michail Pogarsky
 Евгений Стрелков Eugene Strelkov
 Андрей Суздаев Andrey Suzdalev
 Ольга Хан Olga Khan
 Николай Олейников Nikolay Oleinikov
 куратор: curator:
 Евгений Стрелков Eugene Strelkov
 web-mastering, translation:
 Вадим Филиппов Vadim Philippov

Открытый финал. Е.Стрелков. Open finale. E.Strelkov

большой плавник / the fin
Е.Стрелков / E.Strelkov
и студия «Дирижабль» (А.Дорошенко, Д.Хазан, Е.Спирина); шитьё: О.Слепнёва
& studio «Dirizhابل» (A.Doroshenko, D.Khazan, E.Spirina); sewing by O.Slepnyova

Схемы света (М.Погарский, А.Суздаев, О.Хан)
the scheme of light (M.Pogarsky, A.Suzdalev, O.Khan)

Дизайн: Е. Стрелков, «Дирижабль». Печать: «Деком»

организационная поддержка зимнего этапа фестиваля:
 дизайн-студия, издательство и альманах «дирижабль»
 603106, Нижний Новгород, а/я 17, т. (8312)336049
 e-mail: dirizhab@dirizhab.sci-nnov.ru
 www.dirizhab.sandy.ru

при участии поддержки
 института «открытое общество» (Фонд Сороса)
 нижегородского филиала государственного Центра современного искусства

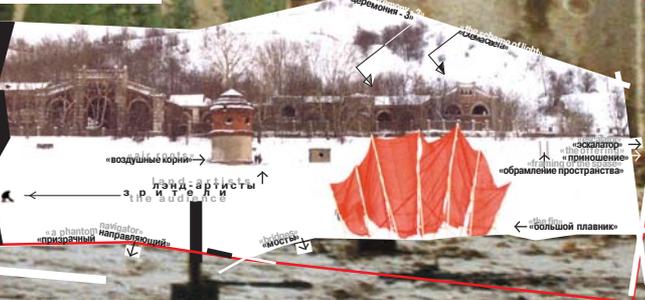
ф е с т и в а л ь

Пойма времени

часть 1: 30.12.1999 — 3.1.2000

«ОКСКИЙ СЪЕЗД»

Flood plain of time

land-art

plaster of art — на сезоны дождей
 гипсовый материал — for bruises of the city!

www.dirizhab.sandy.ru/landart